

ВОСПОМИНАНИЯ

СТАРОГО

БОЛЬШЕВИКА

Л. Б. КРАСИН
/никитич/

ДЕЛА
ДАВНО
МИНУВШИХ
ДНЕЙ



О В Ш Е В И С Т

ОГИЗ МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ · 1931



Л. Б. Красин

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО БОЛЬШЕВИКА
ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ и Ф. КОНА

Л. Б. КРАСИН
(Никитич)

ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ

С 2 ФОТОГРАФИЯМИ

2-е издание



МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

Стихотворение Л. Б. Красина,
помещенное в газете «Правда» № 50
от 19 V 1917 г.

ПРИЗЫВ

Несется клич победно-бурный:
„К знаменам, братья по труду!“
На общий путь, тернистый, трудный,
Сольемся в армию одну!..
Спеши, товарищ, с фабрик душных,
Иди, батрак, к нам от сохи,
Пурпурный стяг в волнах воздушных
С любовью чуткой сохрани!
„Рабочих стран всех единенье!“—
Вот что начертано на нем;
И этих слов ни искушеньем.
Не уничтожить, ни мечом!
Клиch этот—счастье, радость, свет:
Избавит нас от всех он бед
И, прекратив кровавый пир,
Он водрузит над миром мир!
Несись же, клич наш неумолчный,
Из края в край, из града в град
И на заре и в час полночный
Звучи призывно, как набат!..

Леонид Красин

I. АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Трудно собраться с мыслями и сколько-нибудь складно изложить на бумаге воспоминания о пережитом в обстановке текущей работы, при том необычайно стремительном темпе, который возлагается на нас революцией. Но Истпарт, как неотступный кредитор, изо дня в день возобновляет свои требования, и приходится делать что и как можно, заранее извиваясь перед читателем.

Я родился 15 июля 1870 г. в маленьком степном городке западной Сибири, городе Кургане, выросшем за последние перед войной десятилетия в крупный центр сибирского маслоделия, торговли хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами.

Детство протекло большей частью в деревне, на берегах Тобола, Ишима, Туры. Этому, а также идеальной семейной обстановке, я обязан крепким здоровьем, которое помогало без большого ущерба переносить превратности последующей жизни. Семья была большая.

Заработка отца едва хватало на удовлетворение се потребностей, но это имело свою хорошую сторону, приучая с детства рассчитывать свои силы и ресурсы и жить по свыше того, что имеешь.

Вспоминая о покойных отце и матери, я не знаю, кому из них приписать большую заслугу в создании той исключительно здоровой и необыкновенной по тем временам обстановки, полной свободы и вместе с тем участливого, заботливого руководства, которым мы, братья и сестра, пользовались в семье, пока не начали становиться на собственные ноги. Большое значение здесь имело то, что значительная часть сибирской интеллигенции, купечества и мещан из поколения в поколение росла под идеиным влиянием таких элементов, как польские повстанцы, сосланные в Сибирь, и бесконечной вереницы политических ссыльных самых разных направлений, начиная с первых народнических кружков вплоть до „Народной воли“.

Детство, проведенное среди природы, на берегах могучих сибирских рек, в бесконечных лесах и травянистых степях и лугах Сибири, с ранних лет заложило во мне большое влеченье к естественным наукам, и этому сильно помогло то обстоятельство, что реальное училище в Тюмени (средняя школа, которую я и мои братья окончили) было, по существу, небольшим, но прекрасно оборудованным политехникумом, с обширным естественно-историческим музеем, физической и химической лабораториями, опытными техническими заводами—сухой перегонки, мыловарения, механической мастерской. Училище это было создано и велось многие годы выдающимся знатоком Сибири энциклопедистом И. Я. Словцовым, собравшим за свою жизнь богатейшие коллекции, образовавшие при тюменском реальном училище целый музей. Некоторые из учителей покровительство-

вали основанию кружков самообразования, но, в сущности говоря, все мы из средней школы вышли политически совершенно нейтральными юношами, с устремлением больше в сторону химии, технологии и других прикладных наук.

В 1887 году я поступил в Петербургский технологический институт и первые два года усиленно занимался науками, с сожалением вспоминая о более просторных, светлых и богаче оборудованных лабораториях захолустного сибирского городка, по сравнению с большими, запущенными и неприветливыми конюшнями-лабораториями тогдашнего Технологического института, с формалистами-лаборантами и никогда не имевшими свободного времени для беседы со студентами профессорами. Участие спачала в сибирском землячестве, в кружке самообразования для изучения „Политической экономии“ Джона Стюарта Милля¹, с примечаниями Чернышевского, а затем и основательное штудирование первого тома „Капитала“ Маркса в конце концов сделано из прилежного и отлично учившегося студента участника пропагандистского кружка, начавшего работать среди петербургских рабочих. Это была одна из первых социал-демократических организаций, основанная М. И. Брусовым и В. С. Голубевым, из которой вышли потом первые рабочие вожди Петербурга. Я забыл упомянуть, что еще до вступления в этот кружок, в 1890 году, мне с братом пришлось принять участие в так называемых студенческих беспорядках, но после крат-

¹ Джон Стюарт Милль — известный английский политико-эконом; написал «Основания политической экономии».

кременной высылки из Петербурга я получил разрешение вновь вернуться в Технологический институт.

Пропагандистскую работу на Обводном канале мне пришлось бросить не потому, что наша организация провалилась, а в связи также со студенческой „историей“. В марте 1891 года скончался писатель Н. В. Шелгунов, и его похороны обратились в демонстрацию революционного и прогрессивного студенчества, что повело к аресту свыше сотни студентов, которые были высланы из Петербурга. После этой высылки я уже долго не мог попасть в Петербург и только в начале девяностых годов, по отбытии сибирской ссылки, снова получил разрешение на въезд в Питер. Рабочая часть нашей социал-демократической организации тоже приняла участие в похоронах, возложив на гроб Шелгунова венок от имени петербургских рабочих, на красной ленте которого петербургские рабочие написали: „Указателю пути к свободе и братству“. Сама организация мало пострадала, и хотя В. С. Голубев был также арестован и выслан в Сибирь, М. И. Бруснев и другие товарищи продолжали работу. Дальнейшим продолжателем этого кружка был безвременно умерший (также технолог) С. И. Радченко, а за ним Г. Б. Красин, Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, вошедшие вскоре в знаменитый в истории нашей партии „Союз борьбы за освобождение рабочего класса“, душой и организатором которого был великий наш вождь В. И. Ульянов-Ленин.

Будучи выслан из Петербурга, я около года прожил в Нижнем-Новгороде, отбывая воинскую повинность и занимаясь уроками и чертежными работами, а попутно ведя ожесточенную борьбу во имя

народившегося тогда русского марксизма с такими мастодонтами народничества, как Н. Ф. Анненский, Зверев, Шмидт и другие нижегородские статистики. Кроме моего брата, верным соратником в этой борьбе был один из старейших русских марксистов П. И. Скворцов, автор замечательных статей в „Юридическом Вестнике“ и блестящей критической монографии, разбивавшей в пух и прах „Судьбы капитализма в России“ В. В. Воронцова, книгу, бывшую библией тогдашнего народничества.

Нижегородская идиллия была прервана арестом в мае 1892 года, в связи с провалом М. И. Бруснева¹ в Москве.

Дело в том, что, проезжая через Москву, я заявил связи с П. А. Каинским, Линкиным и другими московскими студентами-марксистами, которые, выписав из Петербурга ткача Федора Афанасьева (убитого казаками в Иваново-Вознесенске в 1905 году), основали в Москве ряд социал-демократических кружков на московских текстильных фабриках. К ним вскоре присоединился питерский мой приятель М. И. Бруснев (далнейшая его работа в Петербурге стала уже неудобной по конспиративным соображениям). Хотя я не принимал непосредственного участия в работе москвичей, но когда их кружок, выданный Егуповым, был арестован, нашли мой адрес,

¹ У меня же при обыске была найдена фотографическая карточка М. И. Бруснева с несколько рискованной по тем временам надписью: «Оглянемся на Запад и встретимся на Востоке». И, действительно, мы встретились летом 1897 года близ Ильинска, на Усольском тракте, по которому Бруснева с партией ссыльных «гнали» в Верхоянск.

кременной высылки из Петербурга я получил разрешение вновь вернуться в Технологический институт.

Пропагандистскую работу на Обводном канале мне пришлось бросить не потому, что наша организация провалилась, а в связи также со студенческой „историей“. В марте 1891 года скончался писатель Н. В. Шелгунов, и его похороны обратились в демонстрацию революционного и прогрессивного студенчества, что повело к аресту свыше сотни студентов, которые были высланы из Петербурга. После этой высылки я уже долго не мог попасть в Петербург и только в начале девяностых годов, по отбытии сибирской ссылки, снова получил разрешение на въезд в Петербург. Рабочая часть нашей социал-демократической организации тоже приняла участие в похоронах, возложив на гроб Шелгунова венок от имени петербургских рабочих, на красной ленте которого петербургские рабочие написали: „Указателю пути к свободе и братству“. Сама организация мало пострадала, и хотя В. С. Голубев был также арестован и выслан в Сибирь, М. И. Бруснев и другие товарищи продолжали работу. Дальнейшим продолжателем этого кружка был безвременно умерший (также технолог) С. И. Радченко, а за ним Г. Б. Красин, Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, вошедшие вскоре в знаменитый в истории нашей партии „Союз борьбы за освобождение рабочего класса“, лушой и организатором которого был великий наш вождь В. И. Ульянов-Ленин.

Будучи выслан из Петербурга, я около года прожил в Нижнем-Новгороде, отбывая воинскую повинность и занимаясь уроками и чертежными работами, а попутно ведя ожесточенную борьбу во имя

народившегося тогда русского марксизма с такими мастодонтами народничества, как И. Ф. Анненский, Зверев, Шмидт и другие нижегородские статистики. Кроме моего брата, верным соратником в этой борьбе был один из старейших русских марксистов П. Н. Скворцов, автор замечательных статей в „Юридическом Вестнике“ и блестящей критической монографии, разбивавшей в пух и прах „Судьбы капитализма в России“ В. В. Воронцова, книгу, бывшую библией тогдашнего народничества.

Нижегородская идиллия была прервана арестом в мае 1892 года, в связи с провалом М. И. Бруснева¹ в Москве.

Дело в том, что, проезжая через Москву, я заявил связи с П. А. Кашинским, Липкиным и другими московскими студентами-марксистами, которые, выписав из Петербурга ткача Федора Афанасьева (убитого казаками в Иваново-Вознесенске в 1905 году), основали в Москве ряд социал-демократических кружков на московских текстильных фабриках. К ним вскоре присоединился питерский мой приятель М. И. Бруснев (далнейшая его работа в Петербурге стала уже неудобной по конспиративным соображениям). Хотя я не принимал непосредственного участия в работе москвичей, но когда их кружок, выданный Егуповым, был арестован, нашли мой адрес,

¹ У меня же при обыске была найдена фотографическая карточка М. И. Бруснева с несколько рискованной по тем временам надписью: «Оглянемся на Запад и встретимся на Востоке». И, действительно, мы встретились летом 1897 года близ Иркутска, на Усольском тракте, по которому Бруснева с партией ссыльных «гнали» в Верхоянск.

и этого было достаточно, чтобы просидеть в Таганке, в Москве, до конца марта 1893 г. По окончании следствия меня выпустили „на поруки“ в 12-й пехотный Великолуцкий полк в Тулу, где я и должен был дослужить оставшиеся мне обязательные месяцы военной службы.

Здоровье мое несколько расстроилось за год сидения в Москве и последующие месяцы проживания в тульских казармах, и когда в ноябре 1893 г. Н. В. Водовозов (тоже один из питерских марксистов), хотя не технолог, а универсант¹, предложил мне провести несколько месяцев на южном берегу Крыма, я с удовольствием ухватился за это предложение, тем более, что возврат в Петербург мне был закрыт и до окончания брусневского дела я оставался под гласным надзором и, следовательно, не мог заняться ничем, кроме уроков и другой случайной работы.

Пребывание в Крыму было хорошим отдыхом; я исходил пешком весь южный берег Крыма, от Симеиза до Алушты, покончил со вторым томом „Капитала“ и к немецкому языку (основательно изученному в тюрьме) прибавил знакомство с французским, благодаря помощи некоторых друзей.

В августе 1894 года мне предложили срочно уехать из Крыма ввиду ожидавшегося приезда туда царя Александра III, который несколькими месяцами позднее, в октябре того же года, благополучно „в бозе почил“ в Ливадии. Я был рад тому, что период вынужденного безделия окончился, и уехал из Крыма в село Калач, Воронежской губ., где мне было раз-

решено поступить сначала рабочим, а затем и десятником на постройку Харьково-Балашовской железной дороги. Место это мне предложил А. Н. Тверитинов, очень интересный, хотя и чудаковатый, пожилой уже человек, приятель П. Л. Лаврова², лично знавший многих народовольцев и сохранивший до конца своих дней непримиримую ненависть к царизму, хотя сам уже и не принимал большого участия в революционном движении. Служба моя впрочем была непродолжительна. Вместе с Тверитиновым мы начали выводить на свежую воду какого-то инженера, начальника участка и нашего начальника, изобличив его в неправильном выборе места для станции Калач, которую он хотел поставить поближе к амбарам местного крупного хлебного кулака. Наши же нивелиры и теодолиты² указывали для этой станции более выгодное и для дороги и для населения место. Тверитинов был чрезвычайно склонен к такого рода разоблачениям и не без юмора объяснял это прирожденной строптивостью на почве наследственности: по семейному преданию, у одного из его предков, боярина Тверитинова, Петр Великий велел вышинать

¹ П. Л. Лавров — ученый и публицист, пользовавшийся большим влиянием среди молодежи 70-х и 80-х годов прошлого столетия. В своей известной книге «Исторические письма» доказывал, что прогресс человеческого общества покупается ценой страдания народных масс; но и в то же время утверждал, что движущей силой истории является интеллигенция. Его взгляды на роль личности в истории были впоследствии жестоко разбиты Плехановым и другими марксистами. К его взглядам примыкал и Н. К. Михайловский, известный критик и публицист.

² Приборы, служащие для измерения земной поверхности.

¹ Универсант — студент, учащийся в университете.

Воронежу за строптивость и неповиновение. В декабре высшее воронежское железнодорожное начальство постановило уволить с дороги и меня и Тверитинова. Последний как инженер апеллировал в суд и впоследствии даже получил удовлетворение; мне же как бесправному подследственному студенту оставалось только переехать в Воронеж и приступить к поискам уроков. Искал я их недолго, так как в ночь с 31 декабря на 1 января 1895 года ко мне пожаловал местный околоточный надзиратель и объявил мне высочайшее повеление: „Унтер-офицера из вольноопределяющихся Леонида Красина исключить из числа запасных нижних чинов армии и, после трехмесячного тюремного заключения, выслать административно на три года под гласный надзор полиции в один из северовосточных уездов Вологодской губернии“. Приговор по делу Бруснева был первым политическим приговором, утвержденным молодым царем.

Забрав свои убогие студенческие пожитки и подушку подмышку, я сел вместе с околоточным в извозчики сани и почью же отправился в воронежский тюремный замок, где и водворился в необыкновенно просторной, снабженной нарами человек на 50 камере.

Сердобольный околоточный по дороге уговаривал меня не унывать, утешая перспективами хорошей охоты в Сольвычегодском или Яренском уездах. Девяностодневное сидение по приговору было настоящей безделицей по сравнению с годом предварительного строгого одиночного заключения. Приятели достали мне для перевода книжку проф. Шульце-

Геверница „Крупное производство“, и я перевел ее на русский язык. Она появилась в печати с предисловием Петра Струве¹, который тогда был еще марксистом. В воронежской же тюрьме я впервые прочел книгу Бельтона² „К вопросу о монастырском взгляде на историю“, и я до сих пор помню, с каким диким восторгом катался я по нарам, читая это плехановское произведение. Мой задор и марксистский пыл окончательно утвердились с того момента, и завоевание всего мира для дела марксизма представлялось мне в моей камере сущим пустяком. Три месяца сидения были использованы моими родными, чтобы выхлопотать мне разрешение вместо назначенного Яренского уезда, Вологодской губернии, поехать на свой счет в Восточную Сибирь, где тогда жили мои отец и мать. Разрешение было дано, и в мае месяце 1895 года я проделал путь Воронеж—Москва—Омск—Иркутск, проехав выше 2 400 километров на перекладных по Барабинской степи и Великому сибирскому тракту. Таких поездок теперь уж никто не делает—выстроилась Сибирская жел. дор.

В Иркутске я был первым социал-демократом среди почти сотни ссыльных народовольцев и народни-

¹ Петр Струве—бывший в 90-х годах социал-демократом, один из представителей «легального марксизма», вскоре отошел от марксизма, стал одним из организаторов либерально-буржуазного «союза освобожденья», из которого выросла кадетская партия.

В дальнейшем он докатился до маxрового монархизма, после Октябрьской революции участвовал в правительстве Деникина.

² Г. В. Плеханов.

ков, включая таких родоначальников русского революционного движения, как Марк Патансон, Любовец, Сергей Ковалик. Наши теоретические споры по самому жгучему вопросу тогдашней русской современности—быть или не быть капитализму в России—доходили до величайшей страсти, но это не мешало всей ссылке относиться ко мне, как к Вениамину, и личные дружеские отношения из этой эпохи сохранились у меня на всю жизнь. Ни раньше, ни после я никогда не видел собрания в одном месте такого количества благороднейших, чистейших революционных борцов. Разложение ссылки началось значительно позднее, когда царское правительство сознательно начало расселять одновременно с политиками и на одинаковом с ними положении шпионов, полууголовных и уголовных преступников.

Дальше политических споров и рефератов по вопросам марксизма дело не шло, и ни о какой практической работе среди местного пролетариата в Иркутске тогда помышлять еще было нельзя, за полным отсутствием больших промышленных предприятий. Работал я в качестве техника на Среднесибирской, Забайкальской и Кругобайкальской железных дорогах. И хотя я не имел диплома, в последние годы уже исполнял инженерную работу. Служба на железной дороге помимо более чем достаточного заработка новела и к сокращению срока моей ссылки, и уже в декабре 1897 года я получил разрешение въезда в Европейскую Россию и поступления, правда не в Петербургский, а в Харьковский технологический институт для окончания высшего образования. Тогдашний министр Делянов поставил впро-

чем условием личное согласие директора Харьковского института на мой прием.

Перед самым рождеством я явился в Харьков и представил перед лицом В. Л. Кирпичева, тогдашнего директора института, поставившего мне условием приема не вести пропаганды среди студентов. Кирпичев, один из известнейших теоретиков строительной механики и блестящий лектор и организатор, как раз заканчивал тогда какой-то процесс внутреннего лиения, превратившего его из сухого чиновника в либерального директора Киевского политехникума.

Учение мое в Харьковском институте было довольно оригинальным. В действительности я почти все время проводил на различных железнодорожных работах; был на изысканиях железной дороги Петербург—Вятка и ухитрился даже съездить опять в Сибирь на изыскания Кругобайкальской железной дороги, где был несколько месяцев начальником дистанции Мысовая—Мишиха, на берегу Байкала, являясь в Харьков только на короткое время, чтобы сдать очередные зачеты и экзамены. Студенческая жизнь тем временем шла своим путем, и студенческие забастовки и другие волнения повторялись по несколько раз в год. Попадая в такие периоды в Харьков, я конечно не отставал от общего движения, вследствие чего я был уволен из института за это время не то два, не то три раза. Логическим последствием этих увольнений должно было бы быть полицейское запрещение проживания в Харькове, но в действительности этого не было, ибо, как оказалось впоследствии, новый директор института, недавно скончавшийся в Петербурге профессор Д. С. Зер-

нов, при каждом таком моем „увольнении“ из института запирал мои бумаги в своем письменном столе, ничего не сообщая полиции, а при ближайшей амнистии я опять превращался в студента, находясь во время этих превращений то на берегах Унжи или Неи, то на берегах Байкала, а иногда и не зная о них.

К 1900 году я сдал все экзамены, но выдача диплома мне, как и другим сверстникам, в наказание за какую-то очередную забастовку была отложена на один год. В это как раз время Р. Э. Классон¹, мой товарищ по Петербургскому институту, участвовавший одно время и в кружке В. И. Ленина, а ныне являющийся одним из крупнейших и старейших русских электротехников и изобретателей и организатором „Гидроторфа“, пригласил меня в Баку заведывать строительными работами основанного тогда акционерного общества „Электросила“.

В июне 1900 года я прибыл в Баку и поселился в маленьком фахверковом балагане на самой оконечности Баилова мыса. Я до сих пор с величайшим удовлетворением вспоминаю о четырех годах интенсивной работы в Баку. Мы сбросили в море добрую половину Баиловской горы, увеличили площадь стационарного участка, кажется, на два гектара, отвоевав их у моря, и воздвигли на этом месте грандиозное здание центральной электрической станции, три жилых дома, водокачку и всякие службы. Работа велась с американской быстротой, участок кипел ра-

¹ Р. Э. Классон умер 11/II 1926 г. Статья написана в 1924 году.

бочими и людьми всякого звания. Говорили на участке одновременно, кажется, на 12 или 15 языках, потому что кроме немцев, датчан, англичан и других европейских рабочих и инженеров работали также персы, татары, армяне, лезгины, осетины, абхазцы, грузины и другие туземцы. Основной целью предприятия была передача электрической энергии на промысла и применение ее для бурения и тартания нефти. При скептически-враждебном отношении со стороны старых „паровых“ техников, предсказывавших неудачу новому электрическому методу, мы, подложини молодых инженеров, вели пионерскую работу обследований процессов бурения и нефтедобычи и параллельно со строительными и монтажными работами закладывали основы научной электрификации нефтяной промышленности. Сейчас ни для кого из техников не составляет вопроса то, что электрическая система передачи энергии наиболее соответствует требованиям рациональной постановки всего нефтяного дела, но в те времена коммерческая да и техническая возможности применения электричества к нефтяному делу стояла еще под знаком вопроса.

Не менее интенсивной была работа и в другой области, а именно, подпольная социал-демократическая работа как в самом Баку, так и вообще на Кавказе—в Тифлисе, Кутаисе, Батуме, куда я периодически выезжал для связи с тамошними организациями.

Это было время, когда за границей создавалась организация „Искры“ и выявлялись впервые разногласия между большевистским и меньшевистским крылом тогда еще единой с.-д. партии.



² Дела давно минувших дней.

Среди социал-демократов, работавших тогда в Баку, я назову Н. П. Козеренко, Л. Е. Гальперина (по кличке „Коняга“), т. Кнуньянца (кличка „Рубен“, безвременно умерший), т. Ладо-Кедховели (гениального организатора подпольных типографий), С. А. Аллилуева, В. А. Шелгунова, Семена Енукидзе (ныне управляющий Гознаком), Авеля Енукидзе (ныне секретаря союзного ЦИКа) и др. Наезжали к нам И. И. Радченко („Касьян“), П. А. Красиков („Игнат“) и др. У Надежды Константиновны Ульяновой (Крупской) в ее желевской „карточке“ мы, бакинцы, были известны под названием „лошадей“.

В скором времени чуть ли не все наличное ядро бакинской с.-д. организации счтилось на моей электрической станции в тех или иных служебных ролях: Козеренко—бухгалтером, Гальперин—статистиком, Авель Енукидзе—чертежником, В. А. Шелгунов и С. А. Аллилуев—монтажерами и т. д. Электрическая станция, да еще строящаяся, была чрезвычайно удобной базой для помещения в ней всякого рода людей, вплоть до нелегальных, для использования паспортных возможностей, а также для хранения литературы, шрифта и т. п., при чем наиболее ответственные постайные склады были устроены даже так, что в случае обыска можно было зажечь одну-две нефтяных фурсыки—и соответственный тайник становился абсолютно недоступным.

Два-три раза жандармы пробовали производить обыски на электрической станции, но, безнадежно махнув рукой, должны были оставить в покое эту техническую крепость, в виду полной невозможности там что-либо сделать.

В городе Баку и на промыслах велась среди рабочих довольно интенсивная пропаганда и агитация, нашедшая себе потом выражение в знаменитой бакинской стачке.

Быть может, еще более примечательной была работа по организации знаменитых бакинских подпольных типографий, в которых мы печатали не только очередные циркуляры и прокламации Центрального комитета, но и регулярно самую „Искру“.¹

В бытность мою в Баку, немедленно по окончании II Съезда нашей партии, я был кооптирован в члены ее Центрального комитета.

В Баку я пробыл до 1904 года, когда жестокая малярия, схваченная мною где-то на Кавказе, заставила меня расстаться с Закавказьем и переехать в Орехово-Зуево под Москвой, на фабрику Саввы Морозова, в качестве строителя и заведующего центральной электрической станцией.

В связи с финансированием бакинской работы и особенно типографий, мне пришлось через посредство старого революционера Н. М. Флерова установить связь с А. М. Горьким, который в то время был уже приятелем Саввы Морозова и был озабочен тем, чтобы как-нибудь поближе и покрепче связать Савву Морозова с нашей партией. Так возник проект приглашения меня на ореховскую электростанцию.

Савва Морозов действительно оказывал партии и „Искре“ довольно значительную по тем временам

¹ См. об этом подробно в книге А. Енукидзе «Большевистские нелегальные типографии», изд. «Мол. гвардия», 1930 г.

материальную поддержку, а после его самоубийства в 1905 г. оказалось, что он оставил довольно значительной страховой полис на имя М. Ф. Андреевой¹, большая часть которого была предназначена и передана нашей партии.

Работа моя в Орехово-Зуеве продолжалась менее года и была прервана неблагоприятной случайностью, весьма впрочем обычной для того времени.

В феврале 1905 года в Москве происходила очередная сессия Центрального комитета нашей партии, в которой я, в качестве члена ЦК, также принимал участие. Собрания происходили по разным квартирам два раза в день—утром и вечером. После одного из утренних собраний я поехал в Орехово, чтобы посмотреть, что делается на моей электрической станции, а к вечеру вернулся в Москву и на извозчике поехал куда-то на Ямскую улицу, где в квартире писателя Леонида Андреева должно было состояться собрание ЦК. Подъезжая к дому, я обратил внимание на несколько необычайный пейзаж улицы, и, в частности, на несколько несомненных шпионов около дома Андреева и какое-то необычайное движение людей, которое можно было заметить через незавешанные окна освещенного внутри одноэтажного дома. Я проехал мимо дома два-три квартала, и, отпустив извозчика, прошел пешком по улице в обратном направлении, решив, в результате своих наблюдений, не заходить в квартиру. Действительно, на утро оказалось, что весь ЦК был арестован вместе с Андреевым и перевезен в Таганку. Имел все основания

опасаться ареста и будучи одним из трех проявившихся членов ЦК, я должен был немедленно перейти на нелегальное положение и поехать в Смоленск, Одессу и другие южные города, дабы восстановить работу ЦК и принять определенное решение в связи с поднятым большевиками и организованной ими газетой „Вперед“¹ вопросом о созыве партийного съезда. Я успел зайти к Савве Морозову, известил его о необходимости для меня скрыться из Москвы и просил его на фабрике дать моему внезапному отъезду объяснение необходимости срочной командировки в Швейцарию по делу о заказе новой турбины. После отъезда юга России, примерно в апреле 1905 года, я вернулся в Москву и Петербург, а затем нелегально же выехал в Женеву, и в мае 1905 г. принял участие в III Съезде нашей партии в Лондоне, на котором было постановлено образование отдельной большевистской партии.

По окончании съезда, после кратковременного пребывания в Женеве, я одновременно с другими выбранными членами Центрального комитета выехал обратно в Россию. По приезде в Петербург и Москву из сношений с сидевшими в Таганке цекистами выяснилось, что провал у Андреева меня непосредственно не задел, и, прописавшись из осторожности под своим именем сперва на нескольких подмосков-

¹ Газета «Вперед» выходила с декабря 1904 г. по май 1905, до III Съезда партии. Она стала выходить в противовес «Искре», которая вскоре после II съезда попала в руки меньшевиков. В редакцию газ. «Вперед» входили Лепин, Луначарский, Ольминский и Воровский.

¹ Жена Максима Горького.

ных дачах, я снова перешел на легальное положение. Место у Саввы Морозова в Орехове было однако потеряно, тем более, что и самого Саввы в то время уже не было в живых.

В конце лета 1905 года я устроился в Электрическом обществе в Петербурге в качестве инженера, заведующего кабельной сетью. Многие из товарищей вероятно еще помнят мой небольшой служебный кабинет на улице Гоголя, куда ко мне на явку приходили многие из старых большевиков, стоявших сейчас у кормила советского государства.

События развивались со сказочной быстротой, и гапоновское „кровавое воскресенье“ оказалось предтечей всеобщей забастовки и революции, а в октябре 1905 года мы уже имели в Питере в своей среде Владимира Ильича, и наши газеты „Новая Жизнь“ и другие печатались легально в собственной типографии. В этой типографии (товарищество „Дело“) наряду с ротационной машиной была установлена и привезенная из нашей бакинской подпольной типографии „перешедшая на легальное положение“ небольшая, но изящная машинка аугсбургского завода.

Беселое было время. Самая интенсивная работа по организации партии, создание технического аппарата, широчайшая пропаганда и агитация в массах на почве думской кампании, активная подготовка к вооруженному восстанию, целый ряд конспиративных предприятий и технических дел—все это заполняло деликом время, а тут еще надо было делать очередную легальную работу, прокладывать по улицам Петербурга десятки верст кабеля, модернизировать электрическую сеть переходом на высокое напряже-

ние, строить трансформаторные подстанции, вести обширные заводские электрические установки.

В этот именно период в процессе живой практической работы был создан становой хребет нашей партии и заложены основы ее тактики на десятилетие вперед.

Революция 1905 года оказалась выкидышем, и сначала постепенно, а потом все быстрее и быстрее царское правительство отнимало „дарованные царем свободы“, и соответственно этому и нашей партии пришлось все более и более уходить в подполье и возвращаться к прежним нелегальным методам работы. В 1907 году условия стали настолько трудны, что пришлось заставить Владимира Ильича и некоторых других из наших литераторов вернуться опять за границу. Провал следовал за провалом, и 1 мая 1907 года провалился и я вместе с А. И. Рыковым и покойным И. А. Сammerом (Любичем) в Москве при случайной облаве в квартире одного адвоката. Впрочем после семнадцатидневного сидения мне удалось убедить жандармов, что я приезжал в Москву по служебным делам и лишь случайно очутился в квартире этого адвоката вместе с „Алексеем“ (прозвище Рыкова) и Сammerом. Работа в Петербурге после этого ареста стала для меня вдвое труднее, и пришлось уделить конспирацию. Два-три обыска, сделанных в моей квартире и в моем служебном кабинете, не дали жандармам никаких доказательств, но показывали, что вероятно работать на свободе остается уже недолго. Действительно, в марте 1908 года жандармы нагрянули в Куйкале в дом, где жила

моя жена с детьми и куда я приезжал по воскресеньям, и арестовали меня вместе с бывшим у меня Ю. А. Грожаном. Не найдя ничего подозрительного, нас отправили в Выборгскую тюрьму.

Русские жандармы не имели обыкновения сообщать при арестах о поводах лишения свободы, но в данном случае полковник, производивший арест и обыск, не мог удержаться от некоторых намеков, показывавших, что дело довольно серьезное и может иметь плохой исход, допуская подведение под некоторые неприятные статьи. По существовавшему закону, российская прокуратура имела право в течение месяца предъявить обвинительный материал и потребовать от финляндских властей моей выдачи. Решено было этот срок использовать для побега и, уступая настояниям товарищей, я несколько дней прилежно занимался необходимой для сего подготовкой моей оконной решотки. К сожалению, а вернее — к счастью для меня, все предприятие провалилось из-за несколько неудачной световой сигнализации между моей камерой и одной из высот выборгского парка, и меня из удобного для побега лазарета перевели в верхний этаж главного здания тюрьмы, соответственно усилив дозор. К большому нашему удивлению, жандармы и питерская прокуратура не смогли в месячный срок приготовить сколько-нибудь доказательного материала, а выборгский губернатор оказался достаточно законником, чтобы, не получив по прошествии этого срока мотивированного требования о моей выдаче, выпустить меня из тюрьмы. Не желая далее искушать гражданскую и служебную доблесть финских чиновников, я безотлагательно и не совсем прямым путем

удалился в Гельсингфорс, а через несколько дней уже плыл на пароходе из Або под дороге в Берлин и Париж. Лето прошло в поездках по Европе для урегулирования разных партийных дел и предприятий, а к осени я очутился в Берлине, и надо было думать о выборе более или менее постоянного местожительства и пристраиваться к какому-то делу. Семья моя к этому времени состояла уже из пяти душ, надо было думать и о каком-то заработке.

Вести из России не оставляли никакого сомнения в победе реакции, и было очевидно, что для партии открывается долгий период подпольной работы, когда одна часть товарищей, с Ильичем во главе, снова должна будет засесть в бест заграничной эмиграции, сосредоточившись главным образом на литературной работе и политическом руководстве издали, другая же, не имея возможности легальной работы, примется за нелегальную организаторскую, агитационную и пропагандистскую работу. Мое положение было несколько особенное, поскольку моя работа значительно отличалась от типичной работы и партийного литератора и партийного местного работника, комитетчика-агитатора или пропагандиста. Меня привлекала и тянула к себе — и в этой области я чувствовал себя достаточно сильным — практическая работа по организации технического и финансового аппарата партии, постановка техники транспорта, связи и пр. Куоккальский провал и вынужденный отъезд из России эту работу делали для меня невозможной. Товарищи, и в особенности Владимир Ильич, уговаривали меня переменить специальность и, в частности, переехать в Париж и принять

участие в газетной работе. „Не боги горшки обжигают“,—говорил мне Владимир Ильич в один из моих приездов в Париж, когда я указывал ему на малую мою приверженность и пригодность к какой-либо литературе. Не то, чтобы я недооценивал значение этого рода работы или был совершенно беззаботен по части теории, а просто и по темпераменту и по всей предыдущей деятельности меня не влекла такая несколько кабинетная и большая теоретическая работа, и во мне всегда было живо предчувствие, что практическая работа и практики и техники понадобятся еще и для революции. Я любил и люблю вспоминать одного товарища грузинского рабочего, который так объяснял своему такому же, как он, грузину-рабочему разницу между „теоретическим“ и „практическим“. „Понимаешь,—говорил он,—теоретически—это как сшить сапоги, практически—сшить сапоги“. Меня, поскольку речь шла о выборе поля деятельности для себя самого, больше интересовала проблема сшить сапоги, и, кажется, я не ошибался, что объяснять, как шьются сапоги, всегда найдется относительно больше охотников.

Как бы то ни было, я решил использовать небольшое пребывание за границей для практической работы и пошел на выучку к немцам, взяв место младшего инженера в крупном берлинском электротехническом предприятии. Потянулись годы упорного труда взапуски с немецкими докторантами и докторами. Жить в Берлине на зарабатываемые в немецком хотя бы и крупном предприятии марки с семьей из пяти душ было не так просто, и только

благодаря случайной дополнительной работы, вроде переводов, можно было кое-как сводить концы с концами конечно лишь при самоотверженной поддержке моей жены, на плечи которой сваливались работы по дому. Но учиться действительно было чему, ведь это был как раз предвоенный подъем немецкой технической и коммерческой инициативы и предприимчивости, обещавший Германии мировую гегемонию. Связь моя с парижскими товарищами слабела уже в силу чисто внешних условий, но с 1912 года тут присоединились некоторые особенные обстоятельства, вынудившие мой, оказавшийся потом довольно долговременным, отход от непосредственной партийной работы. Когда-нибудь я передам Истпарту записку, касающуюся этих обстоятельств, но по многим причинам я сейчас не хочу на этом подробнее останавливаться.

На этом пока и можно окончить эти заметки, отложив более подробное описание последующих лет до другого случая.

Упомяну лишь самым кратким образом главнейшие события моей личной жизни за последние годы.

Вернулся я в Россию в начале 1912 года и вплоть до конца 1917 года стоял в стороне от какой-либо общественной деятельности, работая в разных крупных промышленных и торговых предприятиях в Москве и Петербурге. По приглашению Троцкого в декабре 1917 года я отправился в Брест-Литовск и принимал участие в переговорах с немцами. Летом 1918 года вместе со Иоффе и рядом других товарищей в Берлине участвовал в переговорах по дополнительным статьям Брестского договора. В ав-

густе того же года, по приезде в Москву, был назначен председателем чрезвычайной комиссии по снабжению Красной армии, а вскоре также членом только что сформированного тогда Совета обороны. В ноябре того же года назначен народным комиссаром торговли и промышленности (впоследствии наркомвнешторгом). С февраля 1919 года мне пришлось взять на себя еще и управление Народным комисариатом путей сообщения. Оставаясь в этой должности, в сентябре 1919 года я был командирован в Псков для мирных переговоров с Эстонией. Псковские разговоры не привели к результатам, но в декабре того же года я был послан во главе мирной делегации в Юрьев, где через некоторое время тов. Иоффе удалось подписать первый мирный трактат РСФСР. В конце марта 1920 года я был командирован в Западную Европу, во главе полномочной делегации и в мае того же года, подписав от имени Центросоюза торговое соглашение с Швецией, переехал в Англию и вступил в переговоры с Ллойд-Джорджем. В марте 1921 года с сэром Робертом Хорном подписал торговый договор РСФСР с Великобританией¹.

II. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕХНОЛОГА¹

Лет 35—40 тому назад желанной мечтой многих юношей, реалистов и гимназистов, было попасть в Петербургский практический технологический институт.

Оканчивая учение в реальном училище маленьского сибирского городка Тюмени, лежавшего в то время, когда о Сибирской железной дороге не было даже и разговоров, на великом пути в Сибирь, я не составлял исключения из этого правила, и сделаться студентом-технологом мне представлялось едва ли не идеалом человеческого счастья и благополучия. Проехавшие через Тюмень весной и осенью студенты-технологии других сибирских городов (Тюмень в то время—увы!—еще не имела ни одного собственного студента-технолога, так как реальное училище еще не имело выпусксов своих питомцев) казались мне какими-то сверхъестественными существами, перед которыми открыта любая дорога.

Петербургский технологический институт имел уже тогда репутацию высшего учебного заведения, высоко

¹ Напечат. в сб. «Техника большев. подполья», вып. I, изд. Метпарта. Написано в 1924 г.

¹ Напеч. в «Сб. памяти Л. Б. Красина», изд. «Прибой». 1927 г. и в сб. «Истпарта», «Л. Б. Красин», ГИЗ, 1927 г. ¶

державшего знамя революционного студенчества. Не было ни одной крупной студенческой „истории“, или, как их тогда, называли, „беспорядков“, в которых Петербургский технологический институт не принимал бы более или менее активного участия.

У нас в Тюмени петербургские технологии пользовались особым почетом вероятно еще и потому, что один из наиболее выдающихся учителей нашего училища, химик Ф. Г. Багаев, сам был старым технологом, знал лично Перовскую и Желябова¹ и, будучи в хороших отношениях с учениками старших классов, делился с ними кое-какими воспоминаниями и знакомил нас с традициями института. Ф. Г. Багаев умел также пробудить и большой интерес к науке и техническому знанию и, помнится, горячо отстаивал систему преподавания в Технологическом институте. На наш институт часто нападали, упрекая его программу в излишнем универсализме, указывая на большое отличие наших условий от заграничных. Русскому инженеру, при неразвитости нашей промышленности и отсутствии специализации, приходится заниматься иногда самыми различными отраслями, а работая в какой-нибудь глухи, всякий химик вынужден иметь дело с механикой, и наоборот. Поэтому основы подготовки наших инженеров

¹ Андрей Желябов и Софья Перовская — виднейшие деятели партии «Народной Воли» — принимали непосредственное участие в террористических актах и покушениях на Александра II, который и был убит 1 марта 1881 г. при их участии. Были повешены 3 апреля 1881 г. в 9 часов утра в Петербурге на Семёновском пладу вместе с Кибальчиком, Рысаковым и Михайловым.

должны быть иные, нежели за границей, где каждая отрасль промышленности резко специализировалась и где, по условиям спонсоров, всегда быстро можно получить необходимую техническую помощь и специалиста со стажем.

С большим душевным трепетом вступил я в конце августа 1887 года впервые в стены института, чтобы справиться в канцелярии, в порядке ли мои бумаги и буду ли я допущен к конкурсному экзамену. Было от чего трепетать безусому сибирскому провинциальному: ведь при 116 вакансиях в конкурсе участвовало свыше 800 человек, и провал был более чем вероятен!

Действительно, экзамены по математике и физике не могли быть названы легкими, и оставшиеся до экзамена 2—3 недели я с моими товарищами-сверстниками посвятил самой упорной зубрежке, при чем, кроме обычных учебников, едва ли еще не более важным являлось ознакомление с различными специальными приемами отдельных экземпляров, славившихся своей суворостью и проваливших молодежь сотнями.

Но вот экзаменационная стража прошла, и не веря своим глазам, мы находим свои имена в списках 116—120 счастливцев, принятых на первый курс.

Первые два года уходят исключительно на науку, беганье по урокам, в вечных поисках работы, так как никакой поддержки извне не было, а молодой студенческий желудок не удовлетворялся даже и так называемыми нормальными обедами действовавших тогда в Петербурге студенческих столовых.

Конец 80-х годов был эпохой самой жестокой реакции. Всякое революционное движение было по-

давлено, деятели „Народной Воли“, оставшиеся в живых, были погребены в казематах Шлиссельбургской крепости. В учебном деле ненавистная система классицизма, введенная Толстым, проводилась к завершению тупым и бездарным Деляновым, известным своим знаменитым афоризмом о „кухаркиных детях“. Технологический институт не избегнул общей участии, и в год моего поступления уничтожились последние вольности института: вводилась форма для студентов, была организована инспекция, система педелей (надзирателей) и шпионство сводили на нет всякого рода студенческие организации и учреждения, вводились репетиции и всемерно увеличивалась нагрузка студентов чертежной работой и механическими занятиями в мастерских, с явной целью доводить студентов до максимального одурения, не оставляющего в мозгах места ни для каких „вредных“ мыслей.

И тем не менее революционные традиции были очень живучи, и молодежь всячески стремилась, хотя бы уйдя в подполье, сохранить возможно больше бывших студенческих вольностей. И надо сказать, что технологам действительно удалось в большей степени отстоять студенческие учреждения, по сравнению с другими высшими учебными заведениями. Причина этого лежала во-первых в том, что институт был одним из крупнейших учебных заведений, сосредоточивая в себе значительную массу молодежи. Другие технические институты, как Горный, Лесной, Институт гражданских инженеров, Электротехнический, были сравнительно небольшими школами с сотней-другой студентов, и борьба начальства со студентами в них была сравнительно легка и проста. Другой при-



Л. Б. Красин в студенческие годы

чиной было то, что по самому роду своей работы технологии значительно больше были объединены, нежели например студенты Университета. В Университете распределение по различным факультетам вносило значительное разобщение в среду студенчества. Само преподавание в Университете не создавало ничего подобного тому объединению, какое в Технологическом институте давали совместные работы в чертежных, лабораториях и мастерских. Технологический институт по типу занятий значительно больше напоминал фабрику и завод, нежели это имело место в Университете. Вот чем я объясняю значительно большую солидарность и большую способность к согласованным выступлениям, какие несомненно отличали в то время технологов. Тем же надо объяснить, почему технологам, несмотря на все неистовства министерства народного просвещения, удалось сохранить некоторые из своих студенческих учреждений, в то время как в других учебных заведениях, и в особенности в Университете, они были разгромлены полностью¹.

Одним из наиболее важных учреждений этого рода была столовая технологов, помещавшаяся в самом институте, в небольшом здании во дворе, против ворот с Забалканского проспекта, там, где она, по всей вероятности, и сейчас еще находится. Столовая существовала на средства, каким-то чудом отпускаемые канцелярией института, и, что еще более

¹ В Университете все студенческие учреждения были разгромлены главным образом после покушения 1 марта 1881 г., участниками которого были исключительно почти студенты Университета (A. Ел.).

непонятно, ее управление находилось всецело в руках самих студентов. Существовала особая комиссия по управлению столовой, избиравшаяся всеми студентами по курсам путем подачи записок, кажется, двойной баллатировкой, при чем кандидаты, установленные на основании записок, подвергались затем „народному голосованию“ в самой столовой, на стенах которой вывешивались списки с кандидатами, и каждый из студентов с плюсом или минусом против имени кандидатов выбирал или проваливал его в так называемые „распорядители“ столовой. Собрание „распорядителей“, разделявшееся на различные комиссии (административную, мясную, овощную и т. д.), заведывало всем хозяйством столовой, прискивало эконома, поваров и другой служебный персонал, заключало соглашение с поставщиками провизии, устанавливало таксу на кушанья и вообще руководило всем этим довольно значительным хозяйственным предприятием, питавшим временами до тысячи посетителей. Инспекторская нога не вступала на территорию столовой, и даже во время студенческих беспорядков инспекция, по какой-то установившейся традиции, не решалась сунуться в столовую, и только в большие беспорядки 1890 года, когда в столовую была приведена группа арестованных студентов, столовая увидела в своих стенах — и то не инспекцию, а городовых, околоточных и приставов петербургской полиции: это считалось еще более способым по сравнению с инспекцией. Столовая, помимо того, что многим сотням технологов позволяла избавиться от преждевременных катаров желудка, играла несомненно большую роль в деле объединения и сплочения

студенчества. Прежде всего, она была местом, где ежедневно бывал почти весь институт и где можно было встретить нужного товарища или группу товарищей.

Правда, никакие сходки и большие совещания в столовой обыкновенно не разрешались, и сами распорядители довольно строго за этим следили, так как имелось серьезное предупреждение директора института, что столовая неминуемо будет закрыта, если ею будут пользоваться для сходок; тем не менее, групповые совещания всегда можно было устраивать в столовой или подготавливать там и организовывать собрания кружков и вне стен института. В столовой можно было вывешивать всякого рода анонсы и объявления, производить сборы денег на всякие нелегальные надобности, передавать друг другу книги и брошюры и вообще обделять все студенческие дела, не опасаясь прямо попасться на глаза инспекции. Уже и это само по себе в те трудные времена было громадным преимуществом, отличавшим технологов от всех других студентов.

Другим учреждением, но уже нелегальным, была библиотека. Официальная библиотека института, заключавшая в себе довольно богатое собрание книг по экономическим и социальным наукам, в наше время была наполовину уже запечатана, и в ней выдавались для чтения студентам исключительно только технические книги. При громадной тяге, существовавшей у студенчества к изучению экономики и социологии, к запрещенным классикам и к революционной литературе, понятно было стремление иметь какую-то библиотеку, в которой можно было полу-

чить все эти сочинения, частью изъятые из публичных библиотек, частью даже совершенно запрещенные. Некоторая свобода печати 70-х годов позволяла различным издателям выпускать кое-какие переводные, а иногда и оригинальные сочинения, имевшие тогда более или менее близкое отношение к основной задаче, занявшей тогда умы революционной молодежи,— хождению в народ и борьбе с самодержавием. Появились также кое-какие книги и по теории и истории социализма, а также сочинения народников, отстававших точку зрения „самобытного развития России“.

В 80-х годах большая часть этих книг была запрещена и конфискована правительством. Таким образом, не только „Исторические письма“ Лаврова (Миртова), но и первый том „Капитала“ Карла Маркса, первый и второй томы сочинений Лассалля и даже перевод „Политической экономии“ Милля с примечаниями Чернышевского были запрещенными книгами. Даже такие невинные беллетристические произведения, как „Что делать?“ Чернышевского, были под запретом, и нахождение такой книги при обыске уже обеспечивало арест, тюремное заключение и высылку из Петербурга. Я не знаю, кем и когда было положено основание нелегальной студенческой библиотеке, но факт то, что немедленно по открытии учебных занятий все мы, новички-студенты с левым уклоном, наперебой друг перед другом стремились записаться в очередь кандидатами на получение тех или иных книг, пользовавшихся в те времена наибольшей славой. Эти большей частью запрещенные или изъятые из обращения книги (нелегальных в собственном смысле

слове среди них в библиотеке почти не было) хранились небольшими партиями, по 2—3 книги, на квартире у ответственных библиотекарей-студентов и выдавались на руки читателям в порядке очередности, по записям в особых каталогах, которые ежедневно выкладывались в чертежных у дежурных библиотекарей. При такой системе хранения и выдачи книг вся организация получала почти неуловимый для инспекции и полиции характер, так как, в худшем случае, могли провалиться один или два студента-библиотекаря, а вместе с ними не больше полуодюжины книг, и, в общем и целом, библиотека действовала более или менее исправно, и имущество ее, если и подвергалось утратам, то главным образом из-за небрежности и потери книг, а не из-за полицейских.

Конечно инспекция и полиция догадывались о существовании библиотеки, но они не слишком рьяно ее преследовали. Тут было так же, как и в столовой, нечто вроде молчаливого соглашения. Сами студенты избегали в этой библиотеке держать революционные издания, очевидно с тем, чтобы не подать лишнего повода полиции и жандармам слишком придирчиво относится к библиотеке с другой стороны ни инспекция, ни полиция не решались затевать большого скандала, зная, что при сплоченности студентов все равно не удастся целиком провалить эту организацию. Конечно при посредстве этой полулегальной библиотеки устанавливалась хорошая связь и для распространения уже чисто революционных брошюр и прокламаций теми кружками, которые, не имея официального касательства к столовой

или библиотеке, пользовались ими уже в своих революционных целях. Я в течение нескольких лет был библиотекарем, предаваясь этому делу с рвением спортсмена. Элемент спорта был тут не только в связи с некоторым риском, но в особенности в связи с затруднениями в пополнении библиотеки редкими книгами. В Петербурге не было ни одной лавочки букинистов, которую я не посетил бы, и если где-либо появлялся первый том „Капитала“ или Ласкаль или Чернышевский, знакомые букинисты давали мне знать, и я отправлялся добывать книгу, не останавливаясь даже перед такими сверхъестественно большими, по тогдашним временам, затратами, как 10 или 15 рублей за одну книгу. При теперешнем обилии всякого рода социалистической литературы трудно понять то ликование, которое охватывало нашу коллегию библиотекарей, когда кому-нибудь из нас удавалось из глубин петербургской торговли старыми книгами выудить какой-либо редкий экземпляр такой литературы.

Менее значительным было третье студенческое нелегальное учреждение—касса. Организация ее состояла в том, что участники-студенты вносили в нее определенный процент своего месячного заработка или получаемых стипендий и взамен получали право время от времени пользоваться краткосрочными ссудами из общей кассы. Касса оперировала, разумеется, грошами и даже при большой аккуратности пательщиков власти довольно жалкое существование, не пользуясь особым влиянием и в других отношениях, не в пример столовой и библиотеке, которые

были действительными организующими центрами института.

Следует упомянуть еще также о нелегальном „Красном кресте“. Это было филиальное отделение существовавшего в Петербурге нелегального кружка или общества „Помощи политическим заключенным и ссыльным“ под тем же названием, „Красный крест“ ежемесячно раздавал по всем высшим учебным заведениям небольшие листы почтовой бумаги с оттиском красного креста, на которых и заносились пожертвования студентов и других лиц, сопровождавших революционному движению, при чем сборы были разумеется, грошевые, измеряясь для отдельных лиц гравенниками и редко рублями. Полиция и жандармы весьма недружелюбно относились к этому учреждению и участие в „Красном кресте“ было связано для студентов со значительным риском. Тем не менее, учреждение функционировало довольно исправно, и в случае провала сейчас же находились заместители.

Землячества в описываемое время уже приходили в упадок, если не считать наиболее сильного из них, сибирского, а кроме того весьма расплывчатые и неопределенные организации не приурочивались к определенным учебным заведениям, а объединяли в себе студенчество различных высших школ по признаку происхождения из той или иной области России.

Остается упомянуть о нелегальных кружках, которые служили частью для самообразования, частью же являлись переходным звеном от студенчества к революционным партиям. Кружков самообразования

было довольно много, и они стояли в ближайшей связи с библиотекой, и самообразование кружка происходило часто на почве обмена книгами, взятыми из той же студенческой библиотеки. Кружки технологов имели определенный уклон к занятию политической экономией, и в них же впервые стало складываться резкое оппозиционное настроение по отношению к государственному тогда народничеству. Знакомство с теорией Карла Маркса, и в частности с „Капиталом“, также вероятно чаще всего имело место у технологов, просто уже по одному тому, что здесь можно было достать „Капитал“, который в библиотеке имелся, если не ошибаюсь, в 4 или 5 экземплярах, тогда как в библиотеках других высших учебных заведений книгу Маркса вообще нельзя было получить. Несомненно что и соприкосновение с рабочей средой во время практических занятий в мастерских и на фабриках и заводах пробуждало у технологов интерес к рабочему движению. Общие революционные традиции, сохранившиеся в институте со временем „Народной Воли“, к концу 80-х годов начали приобретать определенную социал-демократическую окраску. Кружки самообразования, изучавшие политическую экономию, приходили к выводу о бесполезности той тактики борьбы, которую выдвигала „Народная Воля“, и о необходимости перехода от террористических актов к пропаганде и агитации среди рабочих, к организации рабочих кружков и рабочего движения, вначале как главного средства борьбы за политическую свободу.

Поступление мое в институт в 1887 году совпало с ~~на~~большим разгромом всех революционных орга-

низаций в Петербурге, да вероятно и во всей России. Будучи совсем молодым студентом, я конечно еще не был вхож в весьма конспиративные кружки, имевшие отношение к революционной работе, но я едва ли ошибусь, если скажу, что в то время сколько-нибудь серьезной народовольческой организации в Технологическом институте уже не было, а новое марксистское социал-демократическое течение еще не успело выйти из пеленок. Нам, первокурсникам, рассказывали о провале группы террористов-народовольцев во главе с А. И. Ульяновым¹, братом Владимира Ильича, казненным в начале 1887 года в связи с неудачной попыткой покушения на Александра III.

Кто именно из технологов был первым марксистом, я не могу сказать. Кажется, одним из первых был некто Лелевель, уже окончивший институт, когда я только-что поступил на первый курс. Я лично не знал Лелевеля, но, кажется, именно он был организатором того кружка, в который впоследствии вошли Бруснев, Баньковский, Цивинский и Бурачевский и который несколько позднее, в 1890 году, привлек и меня к пропагандистской работе среди петербургских рабочих. Обычная тактика таких кружков состояла в том, что, пользуясь столовой, библиотекой и другими студенческими учреждениями, они выбирали и высматривали тех молодых студентов, которые проявляли известный интерес к теоретическому ознакомлению с социализмом и по своим личным качествам представлялись способными

¹ См. книгу из серии «Воспом. стар. б-ка» А. И. Елизаровой-Ульяновой. Воспоминания об А. И. Ульянове.

заполнять кадры революционных борцов. С таким студентом завязывалось знакомство, сначала без затрагивания каких-либо рискованных тем; его снабжали литературой, переходя постепенно к более злободневным вопросам. Попутно выяснялись особенности его характера, степень выдержанности и конспиративности, готовность идти на работу и т. п. Одним из таких „лядек“, приставленных ко мне вначале, был Цивинский. Довольно хорошо подготовленный по вопросам экономики и знакомый с Марксом, он все же не вполне порвал с народовольческой традицией, и я припоминаю его аргументы в пользу необходимости начать пропаганду среди рабочих.

Они сводились главным образом к тому, что царский режим быстро идет под уклон, неизбежен ряд восстаний внутри страны и в больших городах и что вот на случай такой революции необходимо, чтобы в таком центре, как Петербург, была уже готова организация, могущая если не взять власть в свои руки, то направить революцию по желаемому пути. Такая власть, по мнению Цивинского, могла выйти из организации фабричных и заводских рабочих Петербурга, как наиболее прогрессивного и организованного элемента народной массы. Впоследствии я еще ближе сошелся с М. И. Брусневым, который вместе с С. Голубевым был душой и организатором тогдашних рабочих кружков Петербурга. Бурачевский, сверстник мой по курсу, был весьма революционно настроенным и преданным делу работников. Он довольно скоро был арестован где-то в рабочем квартале и получил затем многолетний приговор в Кресты. Я с тех пор так и не слыхал о нем. Не может быть,

чтобы этот горячий и самоотверженный революционер не вынырнул где-нибудь в нашем движении. Очевидно, он так и погиб в царских тюрьмах, не дожив до широкого развития того рабочего движения, помощи которому он решил посвятить свою жизнь. Так же безвременно погиб другой наш товарищ, технолог Полетика, родом с Украины. Очень способный и многообещавший юноша погиб в 1888 году от тифа.

Я в другом месте¹ более подробно рассказываю о рабочем кружке М. И. Бруснева и о той существовавшей параллельно с ним первой рабочей организации Петербурга, которую обслуживал наш кружок (12). Наша работа была ликвидирована в 1891—1892 годах, но немедленно же на смену выдвинулся другой кружок технологов, продолжавший наметившуюся марксистскую линию. Уже и в наши времена была связана некоторая связь с заграничной „Грушой освобождения труда“, и брошюры Плеханова, Аксельрода, Веры Засулич служили нам большой помощью и ободрением в нашей пионерской работе среди петербургских рабочих и в нашей борьбе с народниками. Степан Иванович Радченко продолжал работу Бруснева и был одним из организаторов I Съезда РС-ДРП. Радченко, тоже технолог, был весьма искусным конспиратором и держался едва ли не дольше нас всех, успел благополучно окончить институт и дальше вел работу, прикрываясь официальным инженерским положением. Умер он тоже безвременно, от случайной болезни.

¹ См. след. статью «Дела давно минувших дней».

В 1894 году к работе этих кружков присоединяется и Владимир Ильич Ульянов. Доисторический период нашей партии кончается с выступлением на сцену созданного Владимиром Ильичем „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“, в организации которого наши технологии принимали большое участие.

На долю нашего поколения выпало счастье быть не только участником в революционной борьбе, не только содействовать низвержению самодержавной царской власти, но и дожить до такой поры, когда сам трудовой народ, рабочие и крестьяне, стали у власти и взяли в свои твердые руки управление государством. Когда вспомнишь безнадежную эпоху конца 80-х годов, вся эта перемена представляется просто сказочным сном. Петербургский технологический институт сыграл свою заметную роль в том общем могучем движении, силами которого опрокинуто казавшееся когда-то непобедимым и неприступным огромное, тяжелое здание старого режима.

III. ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ¹ (1887—1892)

Осенью 1887 года, когда я впервые приехал в Петербург держать экзамены в Технологический институт, Петербург переживал время самой мрачной реакции. Правительство Александра III задушило „Народную Волю“, послав на виселицу Желябова, Петровскую и их товарищев. Оно жестоко расправилось с последними остатками этой геройской организации, отправив в казематы Шлиссельбурга Веру Фигнер и ее товарищев.

8 мая 1887 года были повешены Ульянов, Осипанов, Андреушкин, Генералов и Шевырев — кажется, последняя активная народовольческая группа, пытавшаяся бороться с самодержавием теми же методами террора, какие применяла старая „Народная Воля“.

Всякие попытки не только революционного сопротивления, но и какой бы то ни было оппозиционной организации подавлялись самым свирепым образом.

¹ Брошюра была напечатана в журнале «Пролетарская Революция» № 3 (15), за 1923 г.

Студенчество являвшееся, в то время по преимуществу носителем революционных стремлений, было лишено всех своих вольностей, в университетах введен новый устав, закрыты все студенческие читальни, даже студенческие столовые. Участие в самом простом кружке самообразования, как только оно делалось известно полиции, вело немедленно к возбуждению „дела“, а при малейших намеках на социализм—к тюремной высылке и ссылке в Сибирь или в самые северные уезды Вологодской и Архангельской губерний.

Безусым юношей явился я из далекой Сибири в Петербург „учиться“. Реальное училище в Тюмени (школа по тому времени очень хорошо организованная) дало мне порядочные знания в области математики и естественных наук, в частности, химии, и в Технологический институт я попал с твердым намерением пойти по стопам моего знаменитого земляка Д. И. Менделеева¹. Правда, в последних классах реального училища у нас уже возникали кружки самообразования с уклоном в сторону изучения политической экономии и социологии, что для сибирской гимназии вообще было неудивительно, ввиду наличности во всех сибирских городах политической ссылки, влияние которой просачивалось не только в обывательскую, но и в чиновничью сферу. Тем не менее, в Питер я явился без каких бы то ни было определенных политических запросов и в первый год с головой ушел в науку.

¹ Д. И. Менделеев — знаменитый русский ученый-химик.

Студенчество в те времена объединялось в так называемые землячества. Это были очень неопределенные объединения молодежи с зачатками таких учреждений, как кассы взаимопомощи, библиотеки, кружки для изучения тех или иных наук. Внутри землячеств шла довольно сильная борьба различных течений. Остатки революционных организаций пытались использовать землячества для революционной пропаганды среди молодежи и для пополнения своих кадров. Наша небольшая группа тюменцев заняла очень сдержанную позицию в отношении тех течений, которые настаивали на немедленном и непосредственном участии молодежи в революционных организациях и революционной борьбе.

Мы говорили: „Мы еще совершенные невежды и, прежде чем браться за дело, хотим учиться, в частности хотим изучить основательно политическую экономию“, так как мы уже смутно понимали, что в экономике—разгадка всех других общественных наук. Это вовлекло нас в нелегкую борьбу с представителями более „левых“ течений, которые считали, что нечего коршать над книгами, достаточно прочесть несколько статей Гердена, Чернышевского, Михайловского, проштудировать „Исторические письма“ Лаврова, и теоретическая подготовка революционера может считаться законченной, и ему можно и должно идти немедленно в практическую работу. Любопытно, что как раз из этого „левого“ крыла сибиряков вышли впоследствии видные социалисты-революционеры. Маркс где-то упоминает, что при наличии враждующих течений позиция более молодого течения определяется часто как отрицание

идей и воззрений его предшественников, и ради того, чтобы не быть похожими на них, „молодые“ часто гораздо дальше и прямолинейнее идут по таким дорогам, по которым они, может быть, не пошли бы без этих споров и этой кружковой борьбы.

Так именно случилось и с нами. Усвоив почти каким-то внутренним чутьем, что в экономике ключ всего социального знания, наша тюменская группа действительно упорно принялась за изучение политической экономии. Мы выбрали книгу Милля с примечаниями Чернышевского и принялись за нее, можно сказать, с остервенением, вкладывая в это дело лучшие навыки по одолению других наук, вынесенные нами из училища. Вспоминаю 1888—89 годы, когда наш небольшой кружок в 6—8 человек два или три раза в неделю вечерами собирался для заслушания очередного реферата той или иной главы „Оснований политической экономии“.

Реферат кончался спорами и обсуждением, пеясные места книги перечитывались в подлиннике, и собрание оканчивалось заданием новому члену кружка по очереди подготовить реферат следующей главы. Конечно, знакомство с этой книгой не давало сколько-нибудь систематического знания политической экономии, но оно дало нам здоровую закваску и помогло дальше разбираться в литературе. К концу года в различных петербургских кружках уже ходил слух о каких-то упрямых сибиряках, не поклонявшихся П. Л. Лаврову и не принимающих участия в восторженных овациях Н. К. Михайловскому.

Эти „дикие люди“ возбуждали любопытство, и в 1889 году на студенческих вечеринках нам неоднократно приходилось вступать в словесные бои с уни-

верситетами и другими студентами, отстаивая первостепенное значение экономики и нападая на тех, кто предлагал программу студенческих кружков заполнить изучением социологии и политических вопросов. Мы, как провинциалы, разумеется, были несравненно менее образованными и даже просто невежественными по сравнению с такими представителями петербургского университетского студенчества, как Н. В. Водовозов, П. Б. Струве и многие другие. Помимо более систематического изучения общественных и исторических наук, многие из них знали иностранные языки и читали в подлинниках книги, русские переводы которых либо вовсе не существовали, либо были запрещены тогдашней цензурой; мы же явились из глухой Сибири, где, кроме толстых журналов, не было никакой литературы.

Недостаток знаний восполнялся юношеской горячностью и здоровыми голосами. Аудитория, состоявшая обычно из молчаливых юндов и еще более молчаливых курсисток, не без некоторого уважения отзывалась на выступления сибирских дикарей, и к концу 1889 года боевые качества нашего кружка считались в студенческих кругах Петербурга довольно прочно установленными.

Разумеется, мы не ограничивались Миллем и Чернышевским: всякий уважающий себя студент в те времена считал для себя обязательным прочесть всю запретную литературу, и, борясь против „социологии“ и „политики“, мы, поскольку это позволяли студенческие библиотеки, знакомились кое-как не только с различными запрещенными книгами Герцена, Чернышевского, Лаврова, но изредка и с нелегальными

изданиями „Народной Воли“ и кое-какими заграничными подпольными брошюрами. Естественные науки отошли на второй план, тем более, что казенное преподавание физики и химии в Технологическом и других институтах сильно охладило идеалистический пыл, и для многих из нас оно превратилось в отбывание повинности в виде репетиций и экзаменов.

К весне 1889 года мы покончили с Миллем, и я получил от кружка задание—летом подготовить реферат по первой и второй главе „Капитала“. Лето это мне пришлось провести в Камышловском уезде, Пермской губернии, и я действительно основательно просидел над этими двумя главами „Капитала“ и вернулся в Петербург к осени с довольно толстым конспектом 1-й и 2-й глав „Капитала“, превышавшим по объему во много раз самый оригинал, так как трудный и сжатый язык Маркса я старался сделать понятным для своих не очень искушенных в философии сотоварищей¹. Занятия наши „Капиталом“ шли несколько менее усидчиво, и, если не ошибаюсь, кружок наш прекратил работу, не одолев до конца всей книги. Мы подросли, обзавелись всякими другими знакомствами и связями, каждый несколько больше углубился в свою специальную институтскую работу, и меньше времени и охоты оставалось для работы в кружке, который когда-то для первокурсников был естественным прибежищем и крепостью в чуждой и даже полутораждебной среде. Еще более важная причина заключалась в том, что некоторые из нас

стали заводить связи с группами, пытавшимися вести практическую революционную работу, а это обязывало к конспиративности.

В Технологическом институте в 1888—89 годах существовал кружок, явившийся, сколько мне известно, зародышем первой организации, практически начавшей социал-демократическую работу. Кружок пользовался студенческими организациями (касса взаимопомощи, библиотека, столовая), выискивая и выбирая в них тех студентов, которые казались пригодными для вовлечения в революционную работу.

В марте 1890 года в Петербурге в Технологическом институте, а затем и в других высших учебных заведениях вспыхнули так называемые студенческие беспорядки по случаю несправедливого увольнения одного студента. Движение выразилось в ряде сходок и забастовке. Попытки начальства уговорить не имели успеха; студенты выставили ряд ораторов, клеймили институтские порядки и выставлявших студенческие требования. Я не помню теперь всех этих требований, но они были до смешного скромны, и тем не менее, не были приняты начальством.

Студенты забаррикадировались в институте и очень весело и дружно проводили время в ораторских упражнениях и хоровом пении, пока институт не был занят отрядом городовых и конных жандармов. Явился градоначальник Грессер в сопровождении свиты из увешанных орденами приставов и околоточных и объявил нас всех арестованными. Под вечер в тюремных каретах всех развезли по различным полицейским частям города, и наша случайная группа в 99 человек

¹ Конспект этот попал в руки охранки при каком-то из многочисленных обысков.

попали к ночи в арестантскую камеру Коломенской части. Весело и шумно, с пением, играми и всякими дурачествами, вплоть до выработки научного метода истребления клопов, мы просидели дня три. По истечении их нам было объявлено торжественное решение педагогического совета, утвержденное тогдашним министром народного просвещения Деляновым: исключить главных вожаков сходок из института без права поступления куда бы то ни было и выслать. Следующая группа была присуждена к высылке без права обратного поступления в петербургский институт; наконец более многочисленная группа, в которую попали и я с братом, была предназначена к высылке из Петербурга без дальнейшего упоминания.

Лето 1890 года мы с братом провели в Казани, а к осени сначала мне, а потом и брату удалось получить разрешение на обратный прием в институт на тот же курс, с которого мы были уволены.

Разумеется, от внимания кружка технологов, пытавшегося вести революционную работу, о котором я только что упомянул, не могли ускользнуть студенты, оказавшиеся в первых рядах во время этих „беспорядков“. Естественно поэтому, что по моем возвращении в Петербург члены кружка попытались завязать со мною более тесное знакомство. С некоторыми членами этого кружка, а именно: с Цивинским и в особенности с Брусиным у меня установились очень тесные дружеские отношения. Наблюдая их в институте, я догадывался, что они ведут какую-то работу помимо знакомых мне студенческих учреждений, как-то: легальной столовой, полулегальной кассы взаимопомощи и библиотеки и пр.

Мы часто толковали о разных вопросах, и Брусинев и Цивинский знали, с кем имеют дело. В частности им было известно, что по тогдашнему времени я уже успел приобрести довольно значительные знания по тем отраслям, которые считались обязательными для студента. Между прочим к тому времени я уже основательно знал первый том Маркса, а в более тесном кружке мы принялись уже и за изучение только что появившегося перевода II тома. (Ни немецкого, ни других языков никто из нас тогда еще не знал: только побывав в тогдашнем „всероссийском университете“—тюрьме, многие из нас начали читать на иностранных языках). В одну из таких бесед кто-то, кажется, Цивинский, принес брошюру Г. В. Плеханова „Наши разногласия“. Так я впервые узнал о существовании группы „Освобождение Труда“¹. Брошюра Плеханова была для всех

¹ Группа «Освобождение Труда» возникла в 1883 г.; ее организаторами были Плеханов, Аксельрод, Дейч, Игнатов, Вера Засулич. Она является первой революционно-марксистской организацией и может считаться зародышем и первым камнем будущей социал-демократической партии. В 1885 г. Плеханов выпустил книгу «Наши разногласия», сыгравшую большую роль. В этой книге он жестоко обрушился на все заблуждения народников, считавших, что Россия не пойдет по пути капитализма, а перескочит через этот этап, так как они находили, что деревенская община есть нечто в роде ячейки социализма, через которую совершился переход к новому социалистическому строю. Плеханов наоборот доказывал, что Россия неизбежно пойдет по пути капиталистического развития и тем самым создаст класс пролетариев — будущих застрелщиков революции и могильщиков капитализма.

нас откровением и дала нам совершенно твердую позицию в борьбе с теми народовольческими течениями, которые впоследствии выкристаллизировались в партию социалистов-революционеров. Таким образом я вступил в кружок Бруснева, Цивинского и других, но так как организация кружка была строго конспиративная, то о деятельности его во всем его объеме мне сообщалось еще очень немногое. Из опасения провала всей организации вновь привлекаемые члены состояли в сношениях лишь с одним или двумя членами кружка, не зная ни адресов, ни прозвищ остальных членов.

Это были первые социал-демократы, с которыми мне пришлось столкнуться.

Конечно о каком-либо стройном, законченном мировоззрении, которое в это время несомненно было у Г. В. Плеханова и его товарищей, тут еще нельзя было говорить. В частности Цивинский довольно часто сбивался в народовольческую и даже вообще народническую ересь. Помню, когда он впервые убеждал меня принять участие в их организации, он доказывал это необходимостью создания хотя бы небольшой инициативной группы, связанной с рабочими Петербурга, которая могла бы, при неизбежно предстоящем падении самодержавия, взять на себя руководство „восстанием“ и организацию нового правительства.

Цивинский правда во главу угла ставил работу среди рабочих, но, кажется, не столько потому, что ему тогда были ясны в полной мере значение и роль рабочего класса, сколько потому, что на основании примера рабочих-революционеров Халтурин и Петра

Алексеева он считал питерскую рабочую среду наиболее пригодной для воспитания активных революционеров и для создания будущего революционного центра.

Механизм самого переворота представлялся весьма смутно; впрочем я припоминаю определенное и даже резкое несочувствие методам террора со стороны участников группы. Когда при задушевных беседах я, полушутя, спрашивал: „Ну, а как же отрицать целесообразность террора, если, скажем, технический прогресс в области взрывчатых веществ позволил бы осуществлять террористические акты не с громоздкими бомбами, а со снарядами величиной в гречий орех?“—эта тема довольно сурово обрывалась моими старшими сотоварищами.

Студент-технолог Михаил Иванович Брусnev был одним из главных руководителей всей организации наряду с Василием Семеновичем Голубевым („лядя Сеня“), универсантом, о котором речь будет впереди. Бруснев уже тогда был вполне сложившимся марксистом, великолепно знал всю тогдашнюю популярную литературу социализма и был, кажется, главным организатором и вдохновителем всей пропагандистской работы. Он же поддерживал и непосредственные связи с руководителями рабочих кружков Петрограда и, происходя сам из донских казаков, совершенно не имел того интеллигентского вида, который другим, и мне в том числе, несколько мешал при сношениях с рабочими. Нас всегда можно было отличить на собрании или в кружке, как интеллигентов, Бруснев же в большинстве случаев сходил за своего брата—рабочего.

Будучи очень конспиративным и не выдаваясь особенно вперед в студенческих организациях,— что больше всего способствовало провалам,— Брусиев проработал на свободе дольше всех нас и не провалился в Питере, несмотря на энергичную работу и личную связь со всеми другими руководителями.

В один из октябряских дней 1890 года Цивинский, подойдя ко мне в институтской столовой мимоходом бросил: „Есть кружок на Обводном канале из рабочих резиновой мануфактуры и ткачей, туда нужен интеллигент для систематических занятий и пропаганды“. Я выразил согласие, и тут же мы условились относительно конспиративной клички, под которую я буду работать в кружке. Так я превратился в „Никитича“ и пользовался этим именем в последующие годы партийной работы.

В один из ближайших вечеров я, как было условлено, явился на квартиру Брусиева, где-то на Бронницкой, сменил в его комнате свою студенческую одежду на высокие сапоги, косоворотку, какое-то поношенное шальто и шапку, надвинутую по самые брови, выпачкал себе руки и немного лица сажей из печной трубы, чтобы придать себе вид мастерового и бойко вышел по направлению к Обводному каналу, где на установленном месте встретился с Цивинским, который должен был ввести меня в рабочий кружок.

В морозном тумане, при слабом свете редких фонарей, оглядываясь по временам—не ведем ли за собою шпика—шагали мы по Обводному каналу, пока не пришли к большому дому на углу Обводного канала и Екатерингофского проспекта.

По плохо освещенной лестнице—электричество тогда в Питере было лишь в Мариинском театре и на Невском—поднялись в 4-й или 5-й этаж, вошли в квартиру, в обычную квартиру доходного питерского дома в рабочем квартале, где на нас пахнуло своеобразным сырым и теплым воздухом рабочего жилья с запахом хлеба, шеи и махорки. Вошли в небольшую комнату с двумя окнами; из-за стола с небольшой керосиновой лампой навстречу нам поднялся сухой, сутуловатый человек с бледным лицом и горящими глазами, выражение которых как-то скрывалось за сильно увеличивающими зрачки очками. Это был организатор кружков Федор Афанасьев, по профессии ткач, на вид лет 37, родом из Ямбургского уезда, проведший всю свою жизнь на фабриках Петербурга. Сухой кашель прерывал его речь, а тонкие, нервные пальцы выдавали многолетнюю привычку управляться с нежной хлопчатобумажной нитью на ткацком станке.

Имя Федора Афанасьева, принадлежало к числу тех имен, которые на вечные времена должен чтить рабочий класс России. Уже в те дни вся его жизнь была посвящена исключительно пробуждению сознания и организации рабочего класса. Несмотря на свое слабое здоровье, этот человек носил в себе неисчерпаемый запас энергии и страсти и весь был полон планов, вечно будил и толкал менее развитых рабочих, организовывал кружки, кассы взаимопомощи, использовал каждое событие фабричной жизни, каждый номер газеты, чтобы указывать рабочим на их интересы и призывать их к объединению, к борьбе за отстаивание этих интересов.

Федор Афанасьев был одним из того десятка руководителей тогдашнего рабочего Петера, которые стояли во главе нескольких подпольных рабочих кружков—выступали руководителями рабочих при отдельных, тогда еще едва начинавшихся массовых выступлениях, в роде стачек, требований удаления нелюбимых мастеров, борьбы за увеличение заработной платы и т. д.

Цивинский познакомил меня с Афанасьевым, от которого на меня с первых же слов повеяло теплом близкого товарищеского отношения, к которому у него примешивался оттенок некоторого покровительства—37-летний ткач, уже видавший виды на своем веку, вероятно смотрел на меня, как на мальчика, берущегося за непривычное и опасное дело.

Мы условились относительно начала занятий, при чем, решили заниматься в этой же комнате Федора Афанасьева раза два в неделю.

Через несколько дней таким же порядком, но уже один я пришел к Федору Афанасьеву и застал у него в сборе весь кружок. Я уже не помню теперь всех его участников. Там было шесть или семь рабочих, большую частью молодежь, от 20 до 25 лет, среди них брат Федора—Егор, впоследствии также довольно известный в рабочих кружках Петербурга. Вместе с ними были и две девушки-работницы, кажется, с резиновой мануфактуры. Одна из них—Анютка (фамилии ее я теперь не помню), а другая—Верочка, впоследствии Вера Марковна Карелина, очень известная в рабочих кругах Петербурга. Первое собрание нашего кружка было посвящено взаимному ознакомлению и общей дели наших будущих занятий. Согласно принятому

правилу, мы исходили из непосредственных интересов рабочих, и поэтому отправным пунктом моей беседы были краткие очерки тогдашнего положения рабочего класса в России, на основании главным образом тех материалов, которые публиковались в отчетах фабричных инспекторов и в особенности в отчетах наиболее известного из них тогда профессора Янжула о бедственном и угнетенном положении рабочих. Естественно мы переходили к выводам о необходимости борьбы за улучшение экономического положения, за повышение заработной платы, за сокращение рабочего дня, при чем в виде сравнения приводились данные о положении рабочих на Западе. Это последнее рисовалось тогда в довольно розовом свете, и мы сами, руководители кружков, весьма наивно заблуждались относительно благополучия европейских „белых рабов“.

Но как добиться русскому рабочему человеческих условий существования? Разумеется, добровольно капиталист не уступит ни копейки из своих выгод, и единственный путь—это борьба, а борьба может рассчитывать на успех только при объединении рабочих. Силе капиталиста нужно противопоставить объединенную мощь организованных рабочих. Сама фабрика, сам капиталистический процесс производства ежедневно учит объединять свои силы в борьбе, противопоставлять интересы пролетариата интересам капитала, вести с последним непримиримую борьбу. Развитие самосознания отсталых слоев рабочих, необходимость на каждой фабрике и заводе указывать рабочим на их тяжелое положение и на борьбу,

как исход из него—вот какова была программа рабочих.

Но борьба даже за отстаивание только своих наущных материальных интересов наталкивалась не только на капиталиста, директора, приказчика, надсмотрщика, но пожалуй еще больше на городового, околоточного, пристава. Весь аппарат царской власти был к услугам капиталистов и при малейшей попытке рабочих, не говоря уже об открытом сопротивлении, но и к мирной организации, вызывал немедленно жесточайшие репрессии, вплоть до арестов, высылки по этапу на родину, отсидки в участке.

Бесправное положение деревни было также хорошо известно всем моим слушателям, так как и они большую частью были выходцами из деревни.

Поэтому борьба с самодержавием, борьба за изменение сурового и гнусного царского режима являлась совершенно необходимым выводом с точки зрения интересов рабочих. Тут же мною проводилось сравнение с более спокойным положением рабочих на Западе, которые имели хотя бы возможность организовываться и вести борьбу против капитала в легальных рамках.

Наконец как заключение всей беседы—единство интересов рабочих всех стран и всех народов, международная солидарность пролетариата, борьба за социализм и воцарение на всей земле вечного царства труда, в котором эксплоатация человека человеком будет возбуждать такое же изумление людей, как в нас—людоедство.

Часа два продолжалась эта первая моя речь, обращенная непосредственно к рабочим, и по лицам

своих слушателей я мог безошибочно заключить, что пами был выбран правильный путь. Остальную часть вечера мы посвятили оживленным беседам по поводу высказанных замечаний; участники кружка наперебой из своей личной практики и наблюдений приводили случаи, подтверждающие выводы и положения беседы. Каждый из участников кружка заявлял о желании учиться и работать, чтобы стать сознательным борцом за интересы рабочего класса.

Следующие собрания были посвящены уже текущей работе по установленной нашим интеллигентским кружком программе. Обычный порядок был таков: сначала мой доклад или реферат по программе, затем вопросы слушателей, обсуждение заслушанного и мои вопросы отдельным товарищам, чтобы уяснить, насколько правильно понята ими та или иная мысль. Вторая половина собрания посвящалась обычно разговорам о текущих делах на той или иной фабрике или заводе, о различных случаях столкновений рабочих с фабричной администрацией, о фактах проявления и развития сознательности в рабочей среде. Затем говорили о более выдающихся городских событиях, о газетных известиях, касающихся Западной Европы и Америки. Как техник, да еще увлекающийся естествознанием, я часто рассказывал своим слушателям о новейших завоеваниях техники, грандиозных промышленных начинаниях Европы и Америки, сравнивал их с хозяйственным и техническим урожайством нашей страны, рост и развитие которой задерживались самодержавием.

До самого конца учебного года, т. е. до весны 1891 г., я не припомню, чтобы в нашем кружке

пришлось обсуждать какое-либо активное массовое выступление, в котором мне и моим слушателям приходилось бы принять непосредственное участие.

Агитационные моменты нашей работы таким образом не получали еще тогда непосредственного практического применения. Это были семена, давшие всходы впоследствии, в половине 90-х и начале 900-х годов.

Центром тяжести всей нашей работы того времени была несомненно пропаганда, так как организационная связь отдельных, существовавших тогда в Петербурге, кружков была также еще очень слаба, и первые зародыши совместных выступлений надо отнести к маевке 1891 года и участию наших кружков в похоронах известного передового писателя и публициста Н. В. Шелгунова.

Зато пропаганда была поставлена с такой основательностью и даже академизмом, которых вероятно уже не наблюдалось в последующие годы. Мы рассуждали таким образом: чтобы сделать рабочего вполне восприимчивым к идеям социализма, чтобы подготовить действительных вождей рабочего класса, способных разбираться в трудной обстановке борьбы с капиталом и самодержавием, необходимо прежде всего познакомить их с основами естествознания, а уже дав рабочим знания в этой области, перейти к изучению общественных наук.

Разумеется, лишь со снисходительной усмешкой приходится теперь относиться к этой широченной программе, набросанной молодыми студентами. Но брались за нее всерьез и осуществляли, поскольку позволяло время и материальные возможности. Одним

из необходимых условий были, разумеется, научные книги или брошюры по различным отраслям знаний. Ибо нельзя было всю премудрость уложить в рефераты и лекции, и ознакомление с основами таких наук, как физика, химия, геология, приходилось осуществлять, давая на дом для прочтения достаточно популярные брошюры. В те времена такой литературы почти еще не было, и, вероятно, по пальцам можно было бы перечесть отдельные книжки. Приходилось выписывать статьи из журналов, составлять рукописные рефераты. Иногда и самим пропагандистам с великим трудом удавалось достать источники, чтобы подготовиться к беседе.

В общем и целом, работа кружка протекала удовлетворительно, и, хотя два-три члена после первых собраний начали пропускать собрания и частично даже совсем поотстали, все-таки занятия кружка продолжались благополучно вплоть до самой весны, когда по независящим обстоятельствам мне пришлось на долго покинуть Питер.

Один только раз судьба нашего кружка повисла было на волоске. В декабре 1890 года в Питере производилась всеобщая перепись населения, в которой студенты приняли большое участие, в надежде в короткий срок заработать 20-25 рублей. Нужно же было случиться, что мне и моему брату достался по переписи как раз тот угловой дом на Обводном канале и Екатерингофском проспекте, в одну из квартир которого регулярно раза два в неделю я являлся под видом простого рабочего. Мы вели перепись в качестве студентов и должны были войти в непосредственное соприкосновение со старшим дворником

дома, бородатым одноглазым детиной, который, подобно всем старшим дворникам, являлся конечно и агентом охранки. Само по себе это конечно еще ничего не означало, тем более, что по переписи я являлся в дом одетым в форму студента. Но вот через несколько недель по окончании переписи, когда мы мирно сидели в комнате Федора Афанасьева, обсуждали очередные вопросы, раздался звонок, и „дежурный“ возбужденным шепотом крикнул в нашу комнату: „Старший дворник“.

Мы переглянулись, переменили места, Федор Афанасьев вытащил из шкафчика бутылку с водкой и несколько рюмок, и вся компания приняла вид приятелей, собравшихся по поводу именин или чего-нибудь в этом роде. Через несколько минут вошел в комнату дворник и испытующим взглядом окинул всех присутствующих. Федор предложил ему выпить, сказав, что один из его приятелей, именинник, занимая в своем доме лишь угол, попросил его разрешения собраться у него в комнате, чтобы с приятелями отпраздновать именины.

Я, разумеется, ни в какие разговоры с представителем власти не вступал, а, напротив, повернулся к нему спиной, поддерживая разговор с кем-то из присутствующих. По счастью костюм мой и вид не возбудили его подозрения, и все дело кончилось благополучно.

Могло бы кончиться иначе, и по тем временам раскрытие такого кружка несомненно послужило бы поводом для создания громкого дела, а для всех участников окончилось бы несколькими годами отсидки и высылки в Сибирь или северные губернии.

Мне лично не пришлось ничем поплатиться за это первое пропагандистское выступление, и я вынужден был расстаться со своими учениками по совершенно другому, не имевшему прямой связи с этой работой поводу.

Я не помню, сколько именно кружков, подобных моему, было во всем тогдашнем Петербурге, но полагаю, что количество их колебалось между 10 и 15. Соответственно этому и штаб рабочих руководителей кружков едва ли превышал в то время 15-20 человек. Кроме Федора Афанасьева, лично мне тогда по соображениям конспирации не пришлось сталкиваться с кем-либо из других рабочих руководителей, и с некоторыми из них я познакомился уже значительно позднее, по возвращении из ссылки.

Из интеллигентов, стоявших во главе работы, кроме своих технологов, с которыми я соприкасался в институте, я был лично знаком только с В. С. Голубевым и В. В. Бартеньевым, из которых последний, впрочем, кажется, не вступил еще окончательно в нашу организацию.

В. С. Голубев был известен в то время в рабочих кругах под кличкой „дяди Сени“. Он был в такой же степени, как и М. И. Бруслев, душой всего дела и, имея тогда вероятно уже за 30 лет, неутомимо шагал из одного рабочего района в другой, не возбуждая, так же, как и Бруслев, благодаря своему рабочему виду, никаких подозрений, особенно, когда был соответственно одет. Я не особенно близко сталкивался с Голубевым и не могу доподлинно сказать, каково было его мировоззрение. Во всяком случае, едва ли ошибусь, утверждая, что он был таким же

марксистом, как и Брусиев, отрицая террор, и в то время вел подлинную социал-демократическую работу. К сожалению, позднее, уже будучи в ссылке, В. С. Голубев начал уходить от социал-демократии и окончил свои дни редактором полулиберальной газеты „Наша Жизнь“. Отправившись в ссылку в 1895 году, на одной из почтовых станций между Красноярском и Иркутском я встретился с Голубевым, который возвращался из ссылки, и мы в течение двух часов жарко спорили на почтовой станции в ожидании переприжки лошадей. Пламенному марксисту, настроенному весьма боевым образом по отношению ко всему, что имело какое-либо касательство к народничеству конечно невозможно было говориться ни в чем с Голубевым, отошедшим от марксизма и возвращавшимся в Россию с какими-то непонятными мне взглядами, от которых он сам вскоре отказался в пользу еще более умеренной программы.

Возвращаюсь однако к нашим кружкам. Работа шла мирно до самой весны. В марте 1891 года в Петербурге скончался писатель Н. В. Шелгунов—событие, послужившее своего рода искрой и вызвавшее вспышку того горючего материала, который накопился в революционном и оппозиционном студенчестве за два-три года.

Похороны радикального писателя превратились в студенческую демонстрацию, которая повлекла за собой разгром большей части тогдашних студенческих организаций Петербурга и вызвала высылку 100—150 наиболее активных вожаков студенчества.

Похороны Шелгунова были вместе с тем и той первой общественной манифестацией, на которой вы-

ступил русский рабочий. Как только известие о похоронах Шелгунова распространилось по Петербургу, руководители рабочих кружков, повидимому, не ожидал каких-либо указаний от руководящего коллектива интеллигентов, постановили принять участие в похоронах, возложив на гроб Шелгунова венок от имени рабочих. Этот венок был возложен на гроб с красной лентой и с надписью, составленной самими рабочими: „Указателю пути к свободе и братству“. Сколько мне известно, для рабочих и для всей тогдашней нашей организации похороны Шелгунова сами по себе не повлекли за собой никаких результатов. Последовавшие вскоре аресты Бартеньева и В. С. Голубева были, по всей вероятности, следствием общей слежки, достаточно в то время свирепой, чтобы по истечении одного-двух лет автоматически напасть на след любой организации.

К сожалению лично я уже не мог участвовать в дальнейшей работе всей этой организации, так как оказался в числе высланных за шелгуновскую историю. Уже на другой день после похорон, рано утром, в комнату на Забалканском проспекте, в которой мы жили втроем, с моим братом Г. Б. Красиным и одним технологом, явились околоточные надзиратели и агенты охранки, и часам к десяти утра мы были уже в помещении градоначальства и в тот же день, со скучным студенческим багажом, выезжали по Николаевской ж. д. из Петербурга.

Обосновавшись в Нижнем-Новгороде и не теряя надежды когда-нибудь возвратиться в Петербург для окончания института, я решил поступить в солдаты и отбыть вольноопределяющимся воинскую повин-

ность, чтобы не терять потом времени на ее отбытие по окончании курса. В поисках работы я попал к военному инженеру Г. П. Ревенскому, известному впоследствии специалисту по отеплению и вентиляции хлебопекарен и других помещений, печи которого, быть может, и по настоящее время сохранились еще кое-где в рабочих казармах фабрик Ивановского и Шуйского районов.

У Ревенского я проработал все лето в качестве чертежника, а осенью поехал десятником в село Кохму, на фабрику Ясюнинских, где и строил эти печи, весьма увлекаясь техникой дела. Прекращение строительных работ за зимним временем выгнало меня обратно в Нижний, где мой патрон, в воздаяние за мои технические подвиги, устроил мне службу вольноопределяющимся, в качестве так называемого кондуктора при Ярославской инженерной дистанции, нечто в роде военного десятника по строительным работам. Я остался жить в Нижнем вместе с братом, который поступил в пехотный полк также вольноопределяющимся. Жили мы на вольной квартире и за исключением служебных часов, проводимых в канцелярии и казарме, вели образ жизни, приблизительно одинаковый с другими высланными студентами, некоторыми в эту зиму был полон Нижний-Новгород.

В Нижнем-Новгороде жило в то время немало видных народников и либералов, как напр. известный писатель В. Короленко, статистик Аяненский и другие.

В качестве высланных студентов и нам был открыт доступ в салоны этой радикальной интеллигенции. С первой же встречи выяснилось непримиримое расхождение взглядов, и вся нижегородская интеллиген-

ция разделилась на два лагеря—народников и марксистов. Выступала от марксистов обыкновенно молодежь, в том числе мы с братом; наша молодежь нашла большую идеиную поддержку в лице одного из самых ярких по тем временам марксистов—Павла Николаевича Скворцова.

Еще летом того же 1891 года, принимая участие в какой-то довольно многолюдной студенческой прогулке на лодках вверх по Оке, среди молодежи, разведшей костры, организованной одновременно и чехарду и хоровое пение, в те времена неизбежное всюду, где собирались полдюжины студентов, я заметил довольно скромного человечка, невысокого роста, в очках, с загорелым лицом и надвинутым по самые брови картузом. Даже для тогдашней компании он был одет уж слишком неприятливо—в довольно грязную, поношенную красную рубаху с поясом и в пальто, как будто с чужого плеча. Несмотря на теплую погоду, он кутался в это пальто и прятал на груди какой-то сверток. Мы разговорились, и, как всегда в те дни, очень скоро разговор перешел на теоретические темы. Собеседник пронзительно посматривал на меня своими серенькими глазками и задавал несколько насмешливым тоном вопросы. Затем начал высказываться и сам, и, к радостному удивлению моему, я открыл в нем не только сторонника марксистских взглядов, но и очень искушенного в этой материи человека, написавшего уже ряд статей в тогдашнем „Юридическом Вестнике“, издававшемся в Москве.

Сверток, который П. Н. прятал на своей груди, был не чем иным, как рукоицью только что закон-

ченного им тогда произведения, в котором он на голову разбивал столпа тогдашнего народничества—Боронцова (известного под псевдонимом В. В.)—уничижающей критикой его книги „Судьбы капитализма в России“. На мой вопрос, зачем же таскать с собой на Оку такую громоздкую рукопись, П. Н. Скворцов застенчиво ответил, что квартира у него где-то на чердаке, не очень надежная, рукопись может сгореть или быть украденной например на цыгарки, и тогда ему пришлось бы начинать всю работу сначала, а между тем, это почти единственный его ресурс на предстоящую зиму. П. Н. Скворцов был тоже статистиком, но так как руководителями статистики были народники, а сам П. Н. отличался большой нетерпимостью ко всем несогласно мыслящим, то его заработки от статистических работ в Нижнем не могли быть сколько-нибудь значительными, и гонорар, получавшийся от „Юридического Вестника“, был действительно подспорьем в его чрезвычайно демократическом бюджете.

Кажется, этой книге П. Н. так и не удалось увидеть свет. Тогдашний редактор „Юридического Вестника“ Муромцев (впоследствии председатель первой думы) не был достаточно либерален и смел, чтобы поместить в своем журнале столь резкую критику господствовавшего тогда направления русской общественной мысли. Предыдущие статьи П. Н. в московском журнале не носили столь резкого полемического характера и не задевали так сильно народников, как эта книга. Статьи П. Н. Скворцова, посвященные тогдашнему крестьянскому хозяйству, были вероятно первой попыткой анализа производственных и эко-

номических отношений русской деревни с марксистской точки зрения. П. Н. Скворцова приходится таким образом признать в этой области непосредственным предтечей Владимира Ильича¹.

Наши словесные бои со статистиками, народниками, несмотря на несравненное превосходство наших противников в отношении знания и знакомства с фактами, тем не менее привлекли на нашу сторону почти всю нижегородскую молодежь, и из тогдашних нижегородских гимназистов и гимназисток, присутствовавших при этих словопрениях, вышло потом немало работников нашей партии.

В самом Нижнем, да еще нося на плечах солдатскую шинель, трудно было думать в то время о непосредственной работе среди заводских рабочих. Впрочем у П. Н. Скворцова, Григорьева и других нижегородских марксистов в то время, кажется, уже заводились кое-какие связи с сормовскими рабочими. Но сидя в Нижнем, мне удалось оказать некоторое содействие организации пропаганды среди рабочих в самой Москве. Еще до моей высылки из Петербурга мы нередко говорили с Федором Афанасьевым о желательности перенесения работы в Москву и в частности о переезде его в Москву для поступления на какую-либо из ткацких фабрик и для установления связи с московскими рабочими.

После лета 1891 г., когда с провалом В. С. Голубева и у Федора Афанасьева в Питере почва стала

¹ Следует отметить только, что будучи, убежденным и знающим марксистом, П. Н. Скворцов совсем не был революционером, на что В. И. указал уже после первого знакомства с ним. (А. Е.).

стаповиться горячей под ногами, это было вдвойне делесообразно, так как отдала вероятность его провала. К тому же и Бруснев в эту весну окончил Технологический институт и подумывал также об отъезде из Петербурга по конспиративным соображениям. Надо дополнить еще, что после моей высылки из Петера там произошло важное событие, а именно: первая маевка петербургских рабочих—празднование 1 мая. Это важное событие, весть о котором прокатилась потом по всей России, уже описано его участниками, и я упоминаю здесь о нем потому, что эта массовая демонстрация для более старых и скомпрометированных работников делала желательной перемену места работы.

После высылки из Петербурга, по дороге в Нижний, я заехал в Москву к студенту университета П. М. Кашинскому. Кашинский был уже известен мне как довольно образованный и склонявшийся к марксизму студент, обладавший притом небольшими личными средствами, в противоположность всем нам, перебивавшимся уроками, чертежами и, в исключительных случаях, стипендиями. Кашинский был знаком с „Капиталом“ Маркса, статьями Энгельса и, кажется, более или менее правильно получал заграничные издания того времени, в том числе и социал-демократический двухнедельник „Neue Zeit“. Я изложил Кашинскому наш план и уговорил его дать средства на переезд Федора Афанасьева в Москву и на то время, пока ему не удастся найти работу на фабрике. Сколько помнится, величина этого подспорья, вполне устраивающего Федора, определялась от восьми до десяти р. ежемесячно. Было условлено,

что к осени, когда студенты собираются в Москву, Кашинский сорганизует интеллигентскую руководящую группу, а тем временем Федор Афанасьев завяляет связи в рабочей среде, и таким образом вся организация будет уже пущена в ход.

Часть лета Кашинский провел у меня в Нижнем, и мы разработали с ним этот план.

К осени М. И. Бруснев, окончивший курс в институте, случайно получил место инженера мастерских Брестской ж. д. в Москве, и таким образом у нас явилась полная уверенность в правильной постановке всего дела. Лично я, проживая в Нижнем, не мог принять непосредственного участия в московской работе, но, поддерживая связи с Брусневым и Кашинским между прочим через Л. В. Миловидову, впоследствии мою жену, я знал, что работа в Москве развивается довольно ходко, привлечены десятки интеллигентов, вполне подготовленных для пропаганды, и что Федору Афанасьеву удалось завести довольно широкие связи в рабочих кругах.

Сам я надеялся летом 1892 г. покончить с солдатчиной и получить разрешение на въезд в Петербург. Расчетам этим однако не суждено было исполниться.

Рано утром 6 мая 1892 г. мы с братом были разбужены неожиданным визитом жандармов, которые предъявили ордер местного жандармского генерала Познанского и, после основательного обыска нашей комнаты, увезли меня в одну из башен Нижегородского тюремного замка. Никакого допроса и обвинения не было предъявлено, и, просидев в башне дней пять, я был отправлен с двумя жандармами в

Москву. Будучи привезен с Нижегородского вокзала в жандармское управление, помещавшееся тогда где-то в Георгиевском переулке, я представал перед лицом маленького жандармского полковника Иванова, который, приняв рапорт зычными голосами приветствовавших его нижегородских жандармов, отпустил их и немедленно учинил мне допрос. Вопросы касались Бруснева, Кашинского, Ешианова и др., а также моей мнимой поездки в Москву, очень интересовавшей жандарма. Поводом для настойчивых расспросов о моей поездке в Москву было то обстоятельство, что в записной книжке Бруснева, отобранной у него при обыске, был найден петербургский адрес моей невесты Л. В. Миловидовой, записанный моей рукой. В действительности не я ездил в Москву, а однажды Бруснев приезжал ко мне из Москвы в Нижний, и я имел неосторожность собственноручно записать адрес в его книжку. Не желая давать вообще никаких подробностей, которые могли бы помочь жандармам разбираться в деле, я, разумеется, умолчал о моем свидании с Брусневым и вообще отридал какую-либо осведомленность свою о работе Бруснева и других товарищей в Москве.

После допроса, в сопровождении уже московского жандарма на извозчике с поднятым верхом, меня отправили в Таганскую тюрьму, где я и водворился в верхнем этаже, в камере № 505, с великолепным видом на всю Москву с ее Кремлем в центре. Много месяцев смотрел я из окна этой камеры на силуэты московских церквей и на вырезные башни и соборы Кремля, и как ни смелы были мысли и планы двадцатилетнего марксиста, но и во сне не снилось, что

мне удастся дожить до такого времени, когда на этих шпицах будет развеваться красное знамя, а в кремлевском дворце заседать конгресс Коммунистического интернационала.

Таганская тюрьма была в то время одной из об раздовых одиночек и вообще режим в тюрьмах при Александре III отличался большой строгостью. Чисто выбеленные стены, пол, натертый графитом до зеркального блеска, опрятно и даже щеголевато одетая стража, полная тишины в коридорах и на узеньких парапетах, окружавших каждый этаж, прерываемая лишь изредка хлопаньем небольших оконек в дверях, служивших для подачи пищи,—вся эта своеобразная атмосфера произвела на меня поначалу сильное впечатление. Вот она,—думалось,—эта ужасная одиночка, в которой придется провести неопределенно долгое время. Однако уже после первых же дней я вполне вошел в колею тюремной жизни. Тут громадную службу сослужили книги, в роде Кеннана¹ или истории революции Туна, из которых я уже знал, что представляет собой политическая тюрьма, каковы методы и приемы жандармского и прокурорского допроса и т. д. Из слов полковника Иванова при окончании допроса, не скрывшего своего недовольства недостаточно пространными объяснениями, данными ему, я заключил, что сидеть вероятно придется довольно долго и поэтому начал устраиваться в своей камере на длительное пребывание.

¹ Джордж Кеннан, американский путешественник, выпустивший книгу о Сибири: «Сибирь и ссылка», запрещ. в царской России.

тюремные порядки и вообще весь доступный мне, видимый мир, включая и ту часть тюремного двора, которую мне было видно, если влезть на стол, используя те минуты, когда затихающие шаги надзирателя позволяли быть уверенным, что у „глазка“ двери никто не подсматривает. Первые недели я не получал никаких известий с воли, не имел ни денег, ни передач, ни книг. Износив свое платье, мне пришлось облачиться в арестантское белье, и несколько дней я привыкал к грубому, напоминавшему рогожу, холсту. Эти первые недели были несомненно самыми тяжелыми за все время как по непривычности обстановки, беспокойству за брата и за то, как вся эта история отразиться на отце и матери, а главное, по вынужденному бездействию.

Я однако довольно скоро нашел средство восстанавливать душевное равновесие, когда оно начинало колебаться. Работа или вообще какое-нибудь сосредоточенное, упорное занятие оказались этим действительным средством. Не имея ни книг, ни бумаги, я занимался математическими задачами, используя найденный гвоздь и штукатурку стен. Из мякиша хлеба приготовил себе нечто в роде кегелей и из этого же материала сделал шахматы. Проделал и некоторый биологический опыт, посадив в свободный чайник пойманного клопа и наблюдал в течение месяцев, как он в процессе голодания превращается почти в прозрачную пластинку. Это — занятия, так сказать, теоретические, или кабинетные.

Одновременно не забывал и физическую культуру. Средством для этого был, главным образом, тяжелый

табурет, лежавший в камере, с которым можно было проделывать достаточно число гимнастических упражнений. Хорошей гимнастикой и вообще способом рассеять дурное настроение была чистка посуды. Посуда в камере была из красной меди, луженая и с течением времени приходила в довольно неказистый вид. Но если взять мелко истертый кирпичный порошок и кусок сукна, то, проработав усердно около часа, можно было добиться того, что и таз, и кувшин для воды, и небольшая миска для супа, и стакан для кипятку горели, как будто были сделаны из червонного золота. Настроение после такой работы неизменно и прочно улучшалось.

Вытиранье окон также было правильным моим занятием и, как вскоре оказалось, далеко не бесполезным и в других отношениях. Вытирая усердно стекла окна, я однажды заметил пролетку с поднятым верхом, приближавшуюся по переулку к воротам тюрьмы. Из-за кафтаны извозчика выглянуло синее с красным кантом колено одного из седоков, и я понял, что везут арестанта. Пролетка въехала во двор тюрьмы, и, прильнув к стеклу, я увидел вслед за вышедшими из пролетки бравым жандарром какого-то студента, привезенного, очевидно, с допроса. Впоследствии я приучился слышать дребезжание пролетки, которая проезжала саженей за 50 от ворот тюрьмы, и мне удавалось видеть правда каждый раз в течение лишь нескольких секунд — некоторых из товарищей, привлеченных по делу Брусниева, в том числе самого Брусниева и Федора Афанасьева.

Через месяц сидения разрешили, наконец, переписку, и я был на верху блаженства, получив пер-

вые письма от Л. В. Миловидовой и от моего брата Германа, которого в Нижнем оставили на свободе. Вскоре разрешили и книги, и тут мое сидение превратилось уже в сплошной университет, и я только одного желал, чтобы меня меньше беспокоили с допросами. По счастью это, очевидно, совпадало и с желаниями самого жандармского полковника Иванова, так как за все одиннадцать месяцев сидения меня вызывали к допросу едва ли больше четырех раз.

Книги удавалось иметь в достаточном количестве, и, помимо основательного изучения немецкого языка, мне удалось проштудировать в Таганке целый ряд книг по философии, естествознанию и истории, за исключением экономической литературы, которая почему-то не допускалась.

Свидание за все время я имел только одно — с братом Германом, при проезде его из Нижнего в Петербург: по окончании солдатчины он получил разрешение обратно поступить в Технологический институт, и через двойную сетку в комнате, или, вернее, клетке для свиданий, я увидел его загоревшим и возмужавшим, одетым в офицерскую форму прапорщика пехоты.

В общем и целом, об этом таганском сидении вспоминаю и до сих пор с удовольствием, и несомненно этот многомесячный досуг сильно помог мне разобраться во многом, привести в порядок свои мысли и знания и познакомиться со многими сочинениями, которых в обыденной суетолоке жизни я несомненно никогда не успел бы прочесть. На людей нервных одиночка действовала плохо, и однажды утром я был разбужен истерическим кри-

ком, доносившимся со двора. Векочив на стол и выглянув за окно, я увидел Кашинского в первом припадке, втаскиваемого жандармом в извозчично пролетку с поднятым верхом.

На меня эта сцена тяжело подействовала, но сам я, следя очень внимательно за собой и при малейшем понижении настроения прибегая к испытанным средствам — гимнастике и работе, — быстро прогонял дурное настроение и почти все время употреблял с пользой.

В двадцатых числах марта, после почти 11 месяцев полного одиночного заключения, в мою камеру вошел старший надзиратель и сказал мне: „Собираться совсем“. На мой вопрос он не мог мне дать никаких подробностей, сказав только, что из жандармского управления меня затребовали со всем моим имуществом.

В конторе тюрьмы мне возвратили отобранные при вдоворении в камеру вещи, остаток моего „текущего счета“ в тюремной кассе, и обычным порядком, с тем же бравым жандармом, который, обычно, возил меня на допросы, наша пролетка поплелась на другой конец Москвы, перемешивая высокий, только что выпавший и продолжавший валить мокрыми хлопьями весенний снег. В жандармском управлении жандарм оставил меня одного в кухне подвалного этажа, а сам пошел куда-то наверх с докладом. Уже это показалось мне хорошим признаком. Действительно, через несколько минут другой вестовой пригласил меня наверх в довольно приличную приемную и оставил там опять-таки одного. Через некоторое время явился ротмистр и сообщил, что

меня решено выпустить на поруки, в полк. Надо сказать, что во время моего сидения приказом командующим войсками Московского округа Костанда я был переведен из нижегородского отдела Ярославской инженерной дистанции, где я уже успел дослужиться до чина младшего унтер-офицера, в 12 пехотный Великолуцкий полк, стоявший тогда в Туле и славившийся особо строгой дисциплиной, в частности по отношению к вольноопределяющимся. Через некоторое время меня попросили наверх к полковнику Иванову, который, более для проформы, спросил меня, не имею ли я еще чего-либо дополнить к прежним показаниям, и после моего отрицательного ответа передал меня жандарму для передачи вместе с вещами в Управление московского уездного воинского начальника для пропровождения по месту службы в Тулу.

Опять мы поехали в пролетке куда-то в Лефортово, где меня „с пакетом“ сдали в распоряжение плохо выбритого старика с полковничими погонами, сейчас же вызвавшего какого-то унтера и отрекомендовавшего его мне в качестве „дядки“, с которым в ту же ночь я должен был отправиться в Тулу. На мой вопрос, что мне делать до ночи, полковник заявил, что я могу располагать собой, как угодно. Не веря еще сам себе, что и на свободе, я пошел бродить по Москве.

На этом я могу кончить свой рассказ, так как с переездом в Тулу начинается уже новая глава моей жизни, не имеющая непосредственного отношения к этому периоду пропагандистской работы. Упомину только, что, будучи уже в Туле, от прерывавших ко мне из Петербурга брата Германа и

Л. В. Миловидовой, а также других студентов, я узнал, что начатая нами работа, несмотря на пропалы, высылку и отъезд некоторых работников, не прекратилась, а напротив ширится и растет. В Технологическом институте ближайшим преемником нашего кружка сделался безвременно ушедший в могилу Степан Иванович Радченко, брат которого Иван Иванович, под кличкой „Касьяна“, был одним из самых видных нелегальных работников нашей партии в конце 90-х и в начале 900-х годов, а сейчас стоит во главе сахарного и торфяного дела Советской России. Степан Иванович Радченко, виртуоз по части конспирации и дипломатии, с упрямством истого малоросса вел очень тонкую работу как в России, так уже и по связи с заграничной группой Шелханова. Последующая группа технологов социал-демократов имела в своей среде Г. Б. Красина, Г. М. Кржижановского и др. Эта группа вскоре повела работу совместно с выступившим тогда впервые на сцену В. И. Ульяновым, Мартовым, Потресовым и другими основателями „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“. Чисто пропагандистский период доисторического развития нашей партии закончился, и новая организация самым ходом вещей должна была уделять все больше и больше внимания агитационной и организационной стороне работы, закладывая прочный фундамент будущего партийного здания. Еще несколько слов о приговоре по нашему делу. Он был утвержден Николаем II в декабре 1894 года—первый приговор по политическому процессу, подписанный новым царем в первые месяцы царствования, когда российские либералы еще

возлагали на него какие-то надежды. Приговор этот достаточно характеризует зверскую жестокость Николая II по отношению ко всему, что касалось каких-либо революционных выступлений.

М. И. Бруснев был приговорен в административном порядке к одиночному заключению в Крестах на четыре года, с высылкой затем на десять лет в Верхоянск, Якутской области. За разными манифестами пребывание его в Верхоянске было немного сокращено, и он возвратился в Россию только в половине 1904 года. Таким образом царское правительство отняло у этого человека, правда, не четырнадцать, но все-таки двенадцать полных лет жизни. М. И. Бруснев вынес необыкновенно тяжелое заключение в Крестах и крайние лишения ссылки в самом холодном месте земного шара, но к политической работе он уже не возвращался. М. И. работает сейчас в качестве скромного советского работника в одном из учреждений Наркомвнешторга.

Более трагической была судьба другого видного героя тогдашних рабочих организаций—Федора Афанасьева. По нашему делу он получил относительно умеренный приговор, а именно—тюремное заключение на один год с отдачей по отбытии его под гласный надзор полиции. Федор Афанасьев не прекращал своей революционной работы вплоть до революции 1905 года и погиб мученической смертью в Иваново-Вознесенске, убитый черносотенцами.

VI. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПАРТИЙНАЯ ТЕХНИКА

II Съезд РСДРП фактически был первым съездом, на котором завершился процесс образования партии и началась история большевизма. Этот съезд установил определенные организационные принципы. В прениях, возникших вокруг вопроса о § 1 устава партии, вполне определенно выяснились различия во взглядах меньшевиков, отстаивавших по существу мелкобуржуазную точку зрения либерального партийного устава, и большевиков, которые тезисами Ленина, заложили действительный фундамент дисциплинированной революционно-пролетарской партии как боевого орудия рабочего класса в борьбе за его освобождение. Это значение съезда партии уже давно в полной мере оценено в партийной литературе, и мы менее всего склонны его оспаривать.

Наша задача здесь состоит в том, чтобы указать на другую область партийной работы, ставшую благодаря этому съезду не менее важным фактором в деле строительства и дальнейшего развития партии. Мы имеем в виду значение II Съезда в деле создания на практике централизованного технического аппарата, установления службы связи, организации партийных финансов, организации техники типографской

и техники транспорта (переправка людей из-за границы и обратно, перевозка и распределение литературы). С появлением центра, созданного заграничным съездом, и с кооптацией этим центром ряда партийных работников, действовавших в самой России, создалась впервые постоянная связь между Женевой и теми главнейшими промышленными центрами России, в которых велась практическая социал-демократическая работа. При существовании партии в подполье нельзя было пользоваться легальными методами сношений. Приходилось устанавливать сложную систему адресов, явок, паролей, организовать в российских центрах явочные пункты, опираясь на сочувствующие буржуазные слои, использовать докторов, зубных врачей, технические и коммерческие предприятия и пр. для приема людей, посылки и получения заграничных писем и т. д. Партия после II Съезда впервые поставила себе задачу—систематизировать все методы связи, и в короткое время возник специальный аппарат по осуществлению этой связи с применением иногда довольно совершенных по тем временам технических приемов.

Я припоминаю, с каким чувством в темной фотографической комнате „Электрической силы“, в Баку, я проявлял в 1903 году первый манифест избранного на втором съезде Центрального комитета, присланный мне в Баку на фотографической светочувствительной пленке. Этот способ был выбран, чтобы при случайном провале письма содержимое его ни коим образом не могло сделаться известным жандармам. Проявленная пленка послужила для нашей типографии тем первым оригиналом, с которого был

разные части страны нашим транспортным органом. Кажется, Наполеону принадлежит изречение: „Деньги—первый войны“. Но и революционную работу нельзя было вести без денег, и поэтому организация финансов партии стала перед нами одной из настоящейнейших задач немедленно после II Съезда. Мне, в качестве члена ЦК, пришлось довольно близко стоять к этому делу, и каких только способов мы не применяли, чтобы сколотить те, в буквальном смысле, гроши, на которые строились партийная организация и техника в первые годы их существования! Конечно все участники партийных кружков и организаций облагались определенным сбором, но, к сожалению, эти сборы почти никогда не доходили до центральной коллегии и расходовались либо на местные нужды организаций, либо направлялись непосредственно за границу в „Искру“ как поддержка газеты или на брошюрную литературу. Приходилось изыскивать другие средства. Одним из главных источников было обложение всех других оппозиционных элементов русского общества, и в этом деле мы достигли значительной виртуозности, соперничая с меньшевиками и с партией эсеров. В те времена, при минимальном дифференцировании классов и при всеобщей ненависти к царизму, удавалось собирать деньги на социал-демократические дела даже в кругах сторонников „Освобождения“¹—Струве. Счита-

¹ Журнал кадетского направления, издававшийся за границей с 1908 г.

лось признаком хорошего тона в более или менее радикальных или либеральных кругах давать деньги на революционные партии, и в числе лиц, довольно исправно выплачивающих ежемесячные сборы от 5 до 25 рублей, бывали не только крупные адвокаты, инженеры, врачи, но и директора банков и чиновники государственных учреждений. С течением времени удалось привлечь к делу финансовой поддержки партии некоторых меценатов из слоев и сфер, казалось бы, совершенно не сочувствовавших рабочему движению. Достаточно сказать, что С. Т. Морозов, крупный московский фабрикант, регулярно вносил в распоряжение нашего Центрального комитета по тогдашним временам довольно крупные суммы, и последний взнос был мною лично получен от С. Т. за два дня до его трагической смерти¹.

С. Т. Морозов оставил после своей смерти страховой полис, большая часть суммы которого душеприказчиками С. Т., по его указаниям, сделанным задолго до смерти, была передана также в распоряжение нашего ЦК. Значительные суммы были получены нашей партией через М. Горького, который давал и свои деньги и привлекал разных состоятельных людей к делу помощи партии. Между прочим через посредство М. Горького была установлена первые связь между нашей бакинской техникой, нуждавшейся в средствах, и А. Д. Щорупой, управлявшим

¹ Он застрелился в Каннах. Я заехал к С. Т. в Биши, возвращаясь с лондонского III Съезда в 1905 году, застал его в очень подавленном состоянии в момент отъезда на Ривьеру а через два дня, возвращаясь нелегально из Берна в Россию, в поезде прочел известие о его самоубийстве.

тогда в Уфимской губернии имениями Кугушева и поддерживавшим нас с этого момента систематической присылкой денег. Довольно много денег собиралось также всякого рода предприятиями, вплоть до спектаклей, вечеров и концертов. Наша кавказская техническая организация довольно успешно использовала приезды на Кавказ В. Ф. Комиссаржевской¹, дававшей часть сборов на нужды партии. Один из вечеров с участием В. Ф. Комиссаржевской, прошедший с громадным успехом, был устроен в Баку по случайности как раз в том самом доме, в котором жил начальник местного губернского жандармского управления. В последующий период существования партии удавалось организовать ряд коммерческих предприятий, дававших значительные поступления. Следует упомянуть о довольно крупном наследстве, полученном нашей партией от замученного царским правительством в московских тюрьмах студента Шмидта, завещавшего партии свою долю участия в товариществе Викулы Морозова. Получение этих денег сопровождалось спором с некоторыми сонаследниками, и в качестве курьеза можно отметить, что большинство третейского суда, присудившего в нашу пользу эти деньги, состояло из эсеров—Минора, Бунакова и др. Бывали и весьма трогательные случаи. Так, однажды к нам в Питер явилась молодая девушка и заявила о сочувствии партии и желании передать в собственность партии доставшееся ей по наследству небольшое имение где-то на юге России. В виду несовершенолетия жертвовательницы пришлось прибегнуть к

¹ Известная артистка.

несколько сложной комбинации, а именно—предварительной выдаче ее замуж и продаже имущества уже с разрешения мужа. Для разочарования тех из наших врагов, которые при чтении этих строк готовы будут поставить в упрек нашей партии ограбление несовершеннолетних девиц, могу добавить, что жертвовательница эта—Федосья Петровна Кассесинова¹—и посейчас состоит в рядах нашей партии, занимая скромную должность шифровальщицы в одном из наших торговых представительств. Муж ее, к сожалению, погиб, сражаясь за Республику на сибирском фронте.

Деньги нам нужны были главным образом для поддержания типографской техники и транспорта. Жили партийные работники обыкновенно на свои собственные средства, перебиваясь случайными занятиями, уроками или поддержкой родственников и знакомых.

Лишь значительно позднее, уже после 1905 года, было постановлено некоторую небольшую часть партийных работников систематически поддерживать из партийной кассы. Но даже и в это позднейшее время речь шла о буквально грошевых выдачах в 25—30 рублей в месяц. Приходилось давать деньги лишь на более или менее серьезные поездки, в особенности связанные с нелегальным переходом границы, уплатой контрабандистам и т. д.

Перевозка литературы и ее хранение стоили изрядных денег: приходилось не только оплачивать фрахт,

но и снимать склады, помещения, заводить подставные предприятия.

По наибольшие расходы шли на типографский технический аппарат, на закупку и оборудование типографий, приобретение бумаги, разнообразного шрифта и содержание наборщиков и печатников.

Наиболее сильной типографской техникой обладали наши бакинские типографии. Бакинская типография была задумана в 1901 году безвременно скончавшимся грузинским нашим товарищем Ладо Кецховели. Некоторые средства мы уже тогда могли предоставить в его распоряжение; но не было никакой возможности купить типографскую машину и систематически покупать бумагу, краску, шрифт и т. д., не имея губернаторского свидетельства на право открытия типографии. Тов. Ладо очень просто вышел из этого затруднения. Он составил на свое имя удостоверение от имени елисаветпольского губернатора на право открытия типографии, переписал это удостоверение на полученным заранее бланке с губернаторским титулом и затем сам подписал этот документ за губернатора. Когда мы начали сомневаться в возможности что-либо сделать по этому бесспорно подложному документу, он и тут вышел из затруднения и через несколько дней, торжествуя, показывал нам бумагу с печатями и заверениями нотариуса. Он попросту снял копию с подложного удостоверения и, засвидетельствовавши эту копию у бакинского нотариуса, получил таким образом документ, на котором не было уже ни одной подложной подписи. С этим документом Ладо благополучно приобрел необходимую машину и материалы, и подпольная техника РСДРП начала работу в Баку и

¹ См. воспоминания Кассесиновой «Фиктивный брак» в сборнике Истпэрта, «Л. Б. Красин», Госиздат, 1928 г.

не прекращала ее вплоть до 1905 года, когда наша бакинская типография по случаю революции перешла на легальное положение и довольно торжественно вместе со значительной частью самих работников была водворена в Питере в большой коммерческой типографии товарищества „Дело“, которое было основано для печатания „Новой Жизни“ и других большевистских изданий.

Следующим руководителем бакинской техники был Трифон Теймуразович Енукидзе (кличка „Семен“), ныне руководитель нашей государственной фабрики денежных знаков. „Семен“-Енукидзе значительно расширил наследство, оставленное ему тов. Ладо. Вся работа была построена по принципу строжайшей конспирации, с применением своеобразных технических методов, едва ли более где-либо и кем-либо применявшимся. Для привоза бумаги и выноса готовых изделий „Семен“ весьма искусно использовал некоторую замкнутость, в которой жило татарское население Баку, не особенно дружелюбно относившееся к полиции, поместив типографию в татарском квартале. Типография, хотя и расширенная, но оборудованная все еще поддержанными машинами, не удовлетворяла „Семена“; он выдвинул план приобретения новой быстроходной печатной машины Аугсбургского завода и со свойственным ему упорством не отставал от меня и Н. П. Козеренко, старого социал-демократа, входившего тогда в нашу бакинскую организацию до тех пор, пока мы не сколотили нужную сумму, что-то около двух или трех тысяч рублей, и не выписали из-за границы эту машину. Для установки ее было решено найти новое помещение и обставить все дело

так, чтобы уже ни при каких условиях не спасаться провалом. Помещение, где была установлена и работала эта машина, было отделено от дома, в котором жили наборщики и печатники, особым подземным ходом, закрывавшимся массивной бетонной, опускавшейся в подполье дверью-зашадней, которую никоим образом нельзя было найти, не зная секрета. Само печатное помещение освещалось спиртокалильной лампой и со всех сторон было закрыто, помещаясь внутри довольно обширной постройки, заключавшей в себе на соседнем владении экипажные сараи, конюшни и амбары для овса, ячменя и фуражка. Только произведя самый точный наружный обмер стоявшего на чужом владении соседнего здания и измерив все внутренние камеры и помещения, можно было бы, панеся все это на план, увидеть, что в середине остается какое-то пустое место, к которому нет доступа из других частей помещения. В этом-то месте и помещалось печатное отделение нашей типографии, связанное потайным ходом с другим домом на соседнем участке, в котором жили А. С. Енукидзе и другие товарищи. Интеллигентность бакинской полиции и жандармов была, разумеется, недостаточна, чтобы открыть такую типографию, и даже в случае провала всего персонала во главе с А. С. Енукидзе типография сама по себе не погибла бы, и для ее восстановления нужно было бы только вновь арендовать тот дом, в котором жил А. С. Енукидзе, и из которого потайной ход вел внутрь здания конюшен и амбаров. Это же последнее, здание, принадлежало татарину-извозчику, приятелю „Семена“, который ни в коем случае не выдал бы типографию. Проживающие в доме печатники и наборщики

подвергались строжайшей дисциплине и не имели права вообще выходить из дома. Через определенный срок каждый из них получал отпуск, но его не разрешалось проводить в Баку. Получивший отпуск товарищ обязан был к вечернему поезду притти на вокзал и уехать в Тифлис, Кутаис или Батум, где и проводил отпуск. Внутрь типографии, кроме „Семена“ и меня, изредка посещавшего ее больше для целей технической консультации или экспертизы, никто абсолютно не допускался, и провал был абсолютно исключен. Входная дверь дома была всегда на запоре и открывалась не прежде, нежели все рабочие были на местах и дверь потайного хода приведена в такое положение, при котором, не зная секрета, ее нельзя было найти. В 1904 году, после моего переезда в Орехово-Зуево, „Семен“, сдав ведение дела в Баку на руки А. С. Енукидзе, переехал в Москву, и мы занялись устройством аналогичной типографии где-то на Лесной улице, при чем легальным прикрытием должна была служить торговля кавказским сыром, орехами, вином и т. п., а в качестве рабочих предполагалось пригласить тех же испытанных наших товарищ из Баку. Надо сказать, что работа в душной и тесной печатной, особенно летом, представляла собой настоящий ад, и наши наборщики и печатники несли поистине героическую работу.

Организация московской типографии была несколько задержана провалом Центрального комитета, арестованного на квартире писателя Леонида Андреева. Мне случайно удалось избежнуть ареста, но я должен был временно перейти на нелегальное положение и уехать в Смоленск, затем в Одессу, затем в Петер-

бург, а тем временем подоспел уже III Съезд, и я в апреле 1905 года уехал в Женеву., „Семен“ остался в Москве и, несмотря на все трудности, довел до конца это довольно сложное и требовавшее значительных средств предприятие. Затем разразились события 1905 года, и временные свободы позволили нам—увы, преждевременно—перейти на легальное положение и даже сделать ошибку вывоза в Петербург нашей небольшой, но великолепной бакинской машины.

Тов. „Семен“ переехал в Петер и был техническим руководителем довольно большой легальной типографии товарищества „Дело“, в которой печатались „Новая Жизнь“ и другие издания. Кавказские товарищи, привезшие в Петер бакинскую машину, передали мне также прекрасно переплетенный альбом всех изданий бакинской типографии, начиная с первых прокламаций, печатавшихся товарищем Ладо, и кончая номерами „Искры“, изданными в Баку. К сожалению, при одном из обысков этот альбом был у меня отобран и, очевидно, где-то погиб в архивах охранки.

Упомяну еще вкратце о печатании в Баку „Искры“.

Связью между нами и „Искрой“ являлся Гальперин, партийная кличка „Коняга“. Вся же наша бакинская организация в Женеве у Надежды Константиновны Ульяновой-Крупской была зарегистрирована под именем „лошадей“. Когда от „лошадей“ получилось в Женеве известие, что они довели свою технику до высоты, позволяющей полностью печатать номера „Искры“, решено было организовать посылку в Баку матриц, т. е. картонных оттисков с набора, которые по заливании их типографским металлом могли дать клише целой страницы, годной для печатания. Мы

условились с „Конгой“, что эти клише будут приходить в Баку на мое имя внутри обложки каких-либо технических или научных атласов, с чертежами или рисунками соответствующего содержания, дабы не вызвать подозрения на таможне. В одно прекрасное утро я, бывший тогда строителем электрической станции в Баку, на Байловом мысу, получил повестку от таможни о прибытии на мое имя заграничной посылки. Отправляюсь в таможню, и—о ужас!—мне передают грубейшим образом переплетенный атлас с обложками, толщиной в добрый палец, заполненный внутри какими-то лубочными изображениями тигров, змей и всякого рода зверей, не имеющих ни малейшего отношения к какой-либо технике или науке.

Без сомнения, господь бог протежировал нам в этом техническом предприятии, а сонные бакинские таможенные чиновники были его союзниками в этом деле. В женевских архивах, вероятно, можно будет найти наши ругательные письма заграничному центру по поводу такой халатности, которая могла окончиться большим провалом. К счастью этого не случилось, и принятыми затем мерами удалось поставить пересылку матриц и даже тонкой бумаги для „Искры“, которую нельзя было достать в России.

О постановке транспорта литературы и перевозке за границу и обратно людей подробнее меня расскажут другие товарищи, я могу только отметить, что эта техника стояла достаточно высоко, и наша партия вырабатывала действительных специалистов своего ремесла, сводя тем до минимума провалы, т. е. потерю людей и литературы.

Я должен упомянуть еще о специальной техниче-

ской группе при Центральном комитете нашей партии 1905 года. Эта группа имела уже более боевые задачи по организации вооружения кадров нашей главным образом петербургской организации. Особенно больших практических результатов трудно было достигнуть, и в частности гапоновское предприятие—попытка доставить в Россию значительный транспортружей на пароходе „Джон Крафтена“—потерпело крушение. Впрочем наша техническая группа была привлечена к этому делу в его конечной стадии, когда исправить сделанные грубые ошибки уже не было никакой возможности. По требованию местных организаций и рабочих районов в Петербурге группе приходилось заботиться о снабжении этих организаций необходимым боевым материалом. Привлечены были к делу выдающиеся техники, и конструкция одного из запалов нашей группы была впоследствии признана чрезвычайно удачной, если не лучшей, экспертизой Главного артиллерийского управления.

Наша партия славилась всегда строгой идейной выдержанностью своей политической линии, и это было конечно главным основанием ее успехов, мольбою о которых сейчас полон мир.

Но подводя итоги партийной работы к ее 25-летнему юбилею, мы должны добром помянуть и большевистскую партийную технику, которая особенно в годы подпольного существования помогала нашему великому и любимому Ильичу выковывать крепкое, как сталь, боевое оружие рабочего класса—Российскую коммунистическую партию (большевиков).

СОДЕРЖАНИЕ

Призыв. Стихотворение	2
Автобиографические заметки	5
Из воспоминаний петербургского технолога	29
Дела давно минувших дней	45
Большевистская партийная техника	82
